

LADY
FANTASY

Сюзен И
НАШЕСТВИЕ
АНГЕЛОВ

Книга 1
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Я никак не мог предугадать то удовольствие, которое получу от романа.
«Нашествие ангелов» — это и правда блеск. Это просто великолепно!

CSI Librarian

АЗБУКА

Annotation

Полтора месяца назад с небес спустились ангелы, чтобы уничтожить современный мир. С тех пор день принадлежит уличным бандам, а ночь – ужасу и предрассудкам.

Семнадцатилетняя Пенрин должна вернуть свою маленькую беспомощную сестру, которую унес летучий воин. Ради этого она готова на все, даже на сделку с заклятым врагом рода человеческого.

Но единственный ангел, с которым она могла бы заключить союз, лежит на асфальте в луже крови. Не счесть битв, в которых он побывал, но сегодняшняя стоила ему крыльев.

А значит, эти двое – небесный калека и слабая от голода земная девчонка – должны пересечь разоренную войной Северную Калифорнию, добраться до оплота ангелов. А уж там, в Сан-Франциско, риск возрастет тысячекратно...

Сьюзен И

Нашествие ангелов. Книга 1. Последние дни

Будто по иронии судьбы, с первых же дней Нашествия мы ежевечерне наблюдаем прекрасный закат. Небо за окном нашей квартиры переливается яркими оттенками оранжевого, красного и пурпурного цветов, словно помятый плод манго. Облака вспыхивают в лучах закатного солнца, и мне вдруг на мгновение становится страшно, что пламя может перекинуться на нас, застрявших внизу.

Угасающее солнце согревает мое лицо, и я изо всех сил пытаюсь подавить дрожь в руках, тщательно застегивая молнию на рюкзаке.

Я натягиваю свои любимые ботинки. Раньше я их любила потому, что как-то раз они удостоились похвалы Мисти Джонсон из школьной группы поддержки, которой понравились кожаные полоски у них по бокам. Все считают – точнее, считали – ее знатоком последних веяний современной моды. Вот я и решила – пусть эти ботинки станут моей визитной карточкой, хоть они и предназначались для туристских походов, а не для повседневного ношения. А теперь я их люблю потому, что за кожаные полоски очень удобно вставлять нож.

Несколько остро заточенных разделочных ножей я прячу в карман инвалидной коляски Пейдж. Слегка поколебавшись, кладу в мамину тележку для покупок, которая стоит в гостиной, еще один – между стопкой Библий и грудой бутылок из-под газировки. Сверху незаметно прикрываю нож какими-то тряпками, надеясь, что маме никогда не доведется узнать о его существовании.

Пока не стемнело, я выкатываю Пейдж в общий коридор, к лестнице. На самом деле она может ехать и сама, поскольку у нее обычная коляска, а не электрическая. Но я знаю, что она чувствует себя спокойнее, когда коляску толкаю я. От лифта, естественно, никакого толку – никому не хочется рисковать, застряв в нем, если отключится электричество.

Я помогаю Пейдж выбраться и несу ее на спине, пока мама катит коляску вниз через три лестничных пролета. Мне не нравится удобство сестры. Она стала чересчур легкой даже для семилетней девочки, и это пугает меня больше всего остального.

В вестибюле я снова усаживаю Пейдж в коляску, заправляя локон темных волос ей за ухо. Глядя на ее высокие скулы и черные, как полночь, глаза, я думаю о том, что мы с ней выглядим почти как близнецы. Правда, ее лицо больше похоже на личико эльфа, чем мое, но, если ей добавить еще лет десять, нас будет не различить. Однако никто никогда не спутал бы нас, будь нам обоим даже по семнадцать, точно так же, как никто не перепутал бы мягкое с твердым или горячее с холодным. Даже сейчас, несмотря на страх, губы ее трогает слабая улыбка – кажется, что она больше беспокоится за меня, чем за себя. Я улыбаюсь в ответ, стараясь излучать уверенность.

Я снова взбегаю по лестнице, чтобы помочь маме спустить тележку. Мы сражаемся с неуклюжей штуковиной, которая с лязгом раскачивается из стороны в сторону, и впервые я рада, что в доме не осталось больше никого, кто мог бы нас услышать. Тележка забита пустыми бутылками, детскими одеяльцами Пейдж, стопками журналов и Библий, рубашками, что оставил в шкафу папа, когда ушел от нас, и, конечно, коробками с мамиными драгоценными тухлыми яйцами. Карманы ее свитера и куртки тоже набиты яйцами.

У меня возникает искушение бросить тележку, но лучше все же помочь маме, чем нарываться на очень долгий и очень громкий скандал. Я надеюсь лишь, что с Пейдж ничего не случится, пока мы спускаем тележку вниз, и готова сама себе надавать пинков за то, что

не додумалась оставить сестру в относительной безопасности наверху, не вынуждая ее дожидаться нас в вестибюле.

Когда мы наконец оказываемся у входной двери, я уже вся в поту и нервы мои на пределе.

– Запомни, – говорю я, – что бы ни случилось, беги вдоль Эль-Камино, пока не доберешься до Пейдж-Милл, а потом двигайся в сторону холмов. Если разделимся, встретимся на вершине холмов, договорились?

Если мы разделимся, вряд ли стоит надеяться, что мы когда-нибудь встретимся, но приходится делать вид, что какая-то надежда все еще остается, потому что, возможно, это все, что у нас есть.

Я прикладываю ухо к входной двери. Ничего не слышно. Ни ветра, ни птиц, ни машин, ни голосов. Слегка приоткрываю тяжелую дверь и выглядываю наружу.

Улицы пусты, не считая стоящих на всех полосах автомобилей. Угасающие лучи солнца отбрасывают на сталь и бетон серые тени.

Дни сейчас принадлежат беженцам и бандитам. Но ближе к ночи все они исчезают, оставляя в сумерках пустынные улицы. Слишком велик страх перед сверхъестественным. Похоже, и хищники и добыча из числа смертных прячутся до рассвета, повинувшись своим первобытным инстинктам. Даже самые худшие из уличных банд оставляют ночь существам, рыщущим во тьме в этом новом мире.

По крайней мере, так было до сих пор. Рано или поздно самые отчаянные начнут, несмотря на риск, использовать преимущество, которое дает ночь. Надеюсь, мы станем первыми и соответственно единственными на ночных улицах – хотя бы потому, что мне не придется силой оттащить Пейдж, стремящуюся помочь кому-либо попавшему в беду.

Мама крепко сжимает мою руку, глядя в темноту. Взгляд ее полон страха. Она столько плакала за тот год, что прошел с ухода папы, что глаза у нее выглядят опухшими до сих пор. Ночь повергает ее в ужас, но я ничего не могу с этим поделать. Я пытаюсь уговорить ее, что все будет в порядке, но лживые слова замирают у меня на языке. Убеждать ее бесполезно.

Глубоко вздохнув, я рывком распахиваю дверь.

Я сразу же чувствую себя совершенно незащищенной. Тело напрягается, словно в ожидании внезапного выстрела.

Схватив коляску Пейдж, я выкатываю ее из подъезда. Окинув взглядом небо, осматриваюсь по сторонам, словно спасающийся от хищников кролик.

Тени быстро сгущаются над брошенными домами, машинами и засыхающими кустами, которые никто не поливал уже шесть недель. Какой-то мазила нарисовал краской из баллончика на стене дома напротив злобного ангела с огромными крыльями и мечом. Гигантская трещина в стене зигзагом рассекает лицо ангела, придавая ему безумный вид. Ниже какой-то незадачливый поэт нацарапал слова: «Кто устережет от сторожей?»

Я вздрагиваю, услышав лязг маминой тележки, которую та выталкивает из дверей на тротуар. Под ногами хрустит битое стекло, еще больше убеждая меня в том, что мы прятались в нашей квартире дольше, чем следовало. Окна первого этажа выбиты.

И кто-то прибил к двери перо.

Я ни на секунду не верю, что это настоящее ангельское перо, хотя намек явно на это. Ни одна из новоявленных уличных банд не обладает подобным могуществом или богатством – во всяком случае, пока. С пера по дереву стекает красная краска. По крайней мере, я надеюсь, что это краска. За последние несколько недель я не раз видела на дверях супермаркетов и аптек подобный символ, отпугивающий стервятников. Еще немного – и бандиты начнут претендовать на то, что осталось на верхних этажах. К сожалению для них, нас там уже не будет. Пока же они заняты тем, что заявляют права на территорию, прежде чем это сделают их конкуренты.

Пригнувшись, мы бежим к ближайшей машине.

Мне незачем оглядываться, чтобы удостовериться, что мама следует за нами, – грохота колес ее тележки более чем достаточно. Я быстро смотрю вверх, потом по сторонам. Среди теней не заметно никакого движения.

Впервые с тех пор, как я придумала план, у меня вспыхивает надежда. Возможно, сегодня – одна из тех ночей, когда на улицах ничего не происходит. Никаких банд, никаких обглоданных трупов животных, которые найдут утром, никаких криков, эхом отдающихся в ночи.

Моя уверенность растет, пока мы перебегаем от одной машины к другой – быстрее, чем я предполагала.

Мы сворачиваем на Эль-Камино-Реал, главную артерию Кремниевой долины. По словам моей учительницы испанского, в переводе это означает «Королевская дорога». Вполне подходящее название, учитывая, что наши местные царственные особы – основатели «Google», «Apple», «Yahoo» и «Facebook» – наверняка застряли на этой дороге, как и любой другой.

Перекрестки забиты брошенными автомобилями. Еще шесть недель назад я ни разу не видела в долине пробок. Здешние водители всегда вели себя максимально вежливо. Но окончательно убеждает меня в наступлении Апокалипсиса хруст смартфонов под ногами. Ничто, кроме конца света, не могло бы заставить наших экологически подкованных технологов бросить свои гаджеты последних моделей на мостовую. Подобное выглядит почти святотатством, даже с учетом того, что гаджеты теперь представляют собой лишь

мертвый груз.

У меня была мысль держаться подальше от широких улиц, но бандиты, вероятно, спрячутся там, где чувствуют себя более защищенными. И пусть сейчас ночь, но, если мы введем их в искушение на их собственной улице, они вполне могут рискнуть ради целой тележки добра. С такого расстояния вряд ли они смогут разглядеть, что там ничего нет, кроме пустых бутылок и тряпок.

Я уже готова высунуться из-за внедорожника, высматривая цель для очередной перебежки, когда Пейдж наклоняется через распахнутую дверцу машины и протягивает руку к чему-то лежащему на сиденье.

Это шоколадный батончик. Нераспечатанный.

Он лежит среди разбросанных бумаг, вывалившихся из портфеля. Самое умное – схватить его и бежать, а потом съесть в безопасном месте. Но последние несколько недель научили меня, что пустой желудок может без труда справиться с разумом.

Пейдж разрывает обертку и разламывает батончик на три части. С сияющим лицом она раздает кусочки нам. Рука ее дрожит от голода и возбуждения. Но несмотря на это, она отдает нам самые большие куски, оставив маленький для себя.

Разломив свою долю, я отдаю половину Пейдж. Мама поступает так же. Пейдж удрученно смотрит, как мы отвергаем ее дары. Я прикладываю палец к губам и бросаю на нее строгий взгляд. Пейдж с неохотой берет предложенную еду.

Пейдж стала вегетарианкой в три года, побывав в детском зоопарке. Хотя она была тогда совсем маленькой, все же сумела связать воедино забавную индюшку, которую ей разрешили покормить, и сэндвичи, которые ела она сама. Мы называли ее нашим маленьким далай-ламой, но несколько недель назад я начала настаивать, чтобы она ела все, что мне удастся раздобыть на улице. Шоколадный батончик – лучшее, что мы можем ей сейчас дать.

Облегченно вздохнув, мы вгрызаемся в хрустящий батончик. Сахар и шоколад! Калории и витамины.

С пассажирского сиденья слетает на пол листок бумаги. Я успеваю заметить заголовок: «Возрадуйтесь! Господь сходит с небес! Присоединяйтесь к Новой Заре и станьте первыми, кто попадет в рай!»

Это листовка одного из культов Апокалипсиса, начавших возникать после Нашествия как грибы после дождя. На ней – размытые фотографии жестоких разрушений в Иерусалиме, Мекке и Ватикане – как будто кто-то вырвал кадры из новостей и напечатал их на дешевом цветном принтере, неумело и в спешке.

Мы поглощаем еду, но я слишком нервничаю для того, чтобы насладиться ее вкусом. Мы уже почти на Пейдж-Милл-роуд, которая должна привести нас к холмам через относительно безлюдную местность. Думаю, как только мы окажемся возле холмов, наши шансы на выживание существенно возрастут. Уже наступила ночь, и лишь зловещее сияние полумесяца освещает брошенные машины.

Что-то в окружающей нас тишине не дает мне покоя. Не слышно ни звука – ни шороха крыс, ни щебета птиц, ни стрекотания сверчков. Даже ветер словно боится пошевелиться.

Особенно громким на фоне тишины кажется лязг маминой тележки. Жаль, что у меня нет времени поскандалить с мамой. Некое чувство подсказывает мне, что это только затишье перед бурей и нам нужно спешить. Необходимо добраться до Пейдж-Милл-роуд во что бы то ни стало.

Я быстрее толкаю коляску, зигзагами перебегая от машины к машине. Мама за моей

спиной дышит все чаще и тяжелее. Пейдж не издает ни звука, – похоже, она затаила дыхание.

Сверху медленно слетает что-то белое и опускается прямо на Пейдж. Она берет и поворачивается, показывая мне. Кровь отливает от ее лица, глаза широко раскрыты.

Это снежно-белое перо. Подобное, только чуть поменьше, могло бы выпасть из подушки на гусином пуху.

Кровь отливает и от моего лица.

Каковы наши шансы?

В основном они выбирают своей целью крупные города. Кремниевая долина – всего лишь полоска малоэтажных офисных зданий и пригородов между Сан-Франциско и Сан-Хосе. По Сан-Франциско уже нанесли удар, так что если они собираются атаковать еще что-то в его окрестностях, то, скорее всего, это будет Сан-Хосе, а не долина. Просто пролетела какая-то птица, вот и все.

Но у меня уже в панике перехватывает дыхание.

Я заставляю себя посмотреть вверх – и не вижу ничего, кроме бескрайнего темного неба.

Но потом я замечаю еще кое-что. Еще одно перо, уже побольше, которое лениво опускается на мою макушку.

На лбу у меня выступает пот. Я бросаюсь бежать сломя голову.

За спиной отчаянно грохочет тележка мамы – ей не нужны какие-либо объяснения или приказы, чтобы броситься за мной следом. Я боюсь, что кто-то из нас может упасть или опрокинется коляска Пейдж, но не могу остановиться. Нужно найти укрытие. Скорее, скорее, скорее!

Автомобиль-гибрид, к которому я устремляюсь, внезапно сминается под обрушившейся на него сверху тяжестью. От грохота я едва не выпрыгиваю из собственных ботинок. К счастью, этот шум заглушается воплем мамы.

Перед моими глазами мелькают смуглые конечности и белоснежные крылья.

Ангел.

Мне приходится моргнуть, чтобы убедиться, что он настоящий.

Я никогда прежде не видела ангела, по крайней мере живого. Конечно, все мы смотрели видеозапись, на которой золотокрылого Гавриила, Посланника Господа, сбивают выстрелом с развалин Иерусалима. Но когда смотришь телевизор, всегда можно убедить себя, что этого не было на самом деле, даже если видишь одни и те же кадры в новостях в течение многих дней.

Но в том, что сейчас все по-настоящему, нет никаких сомнений. Крылатые создания. Ангелы Апокалипсиса.

Сверхъестественные существа, превратившие в прах современный мир и убившие миллионы, может быть, даже миллиарды людей.

И одно из этих кошмарных созданий – прямо передо мной.

Едва не опрокинув Пейдж, я разворачиваюсь и бегу в другую сторону. Мы притормаживаем позади грузового фургона, и я выглядываю из-за него, не в силах отвести глаз от происходящего.

Сверху к белокрылому ангелу спускаются еще пять. Судя по их агрессивному виду, все они настроены против того, который упал. В темноте не различить подробностей, но я успеваю заметить у одного из них некое отличие в форме крыльев. Приземлившись, ангелы складывают их – слишком быстро, и я так и не могу понять, что именно отличает одного из ангелов – настоящего гиганта, возвышающегося над остальными.

Мы приседаем, и я замираю, не в силах двинуться за пределы относительно безопасной зоны позади грузовика. Пока что нас, похоже, не замечают.

Внезапно над раздавленным автомобилем, поморгав, вспыхивает свет. Вновь включилось электричество, и этот уличный фонарь – один из немногих, которые еще не разбиты. Круг света кажется невероятно ярким и зловещим, скорее подчеркивая контраст, чем реально освещая окружающее. Вдоль улицы в нескольких пустых окнах загорается свет, давая мне возможность получше разглядеть ангелов.

Крылья у них разного цвета. У того, что врезался в машину, они белоснежные. У гиганта – крылья цвета ночи. У остальных – синие, зеленые, жжено-оранжевые и тигрово-полосатые.

Все они без рубашек, и под кожей при каждом движении перекачиваются мускулы. Их кожа, как и крылья, тоже различается цветом. У белокрылого ангела, рухнувшего на автомобиль, она светло-карамельная. У чернокрылого – бледная, словно яичная скорлупа. У остальных – от золотистой до темно-коричневой. Судя по воинственному виду, ангелы должны быть покрыты боевыми шрамами, но кожа настолько безупречна, что ради такой любая королева бала в стране убила бы своего короля.

Белый ангел с трудом скатывается с разбитой машины. Несмотря на раны, он приземляется на полусогнутых ногах, готовый к отражению атаки. Своей атлетической грацией он напоминает пуму, которую я видела по телевизору.

Судя по тому, как осторожно приближаются к нему остальные, он грозный противник, хоть и раненый. Несмотря на свои мускулистые фигуры, по сравнению с ним другие ангелы выглядят грубыми и неуклюжими. У него тело олимпийского пловца, упругое и подтянутое. Похоже, он готов сразиться голыми руками, несмотря на то что все его враги вооружены мечами.

А его меч лежит в нескольких футах от машины, короткий, как и оружие других ангелов, – два фута обоюдоострого металла, способного с легкостью перерезать горло.

Высмотрев меч, Белый делает движение в его сторону, но Жженный отбрасывает оружие ногой. Лениво вращаясь, меч скользит по асфальту, удаляясь от своего владельца, но почти сразу же замирает на месте. Он выглядит тяжелым, словно свинец. Однако Белому до него уже не дотянуться.

Я готовлюсь к тому, чтобы увидеть расправу над ангелом. В исходе поединка нет никаких сомнений. И все же Белый – достойный боец. Он бьет Полосатого ногой и стойко отражает удары двух других. Но против всех пятерых ему не устоять.

Когда четверым наконец удается прижать Белого к земле, практически усевшись на него верхом, к нему подходит черный гигант. Он идет словно ангел смерти, каковым, полагаю, и

является. Складывается впечатление, что я наблюдаю кульминацию давнего противоборства – судя по тому, как они смотрят друг на друга, как Черный рывком разворачивает крыло Белого, а затем кивает Полосатому, который заносит над Белым меч.

Хочется закрыть глаза, чтобы не видеть завершающего удара, но я не в силах этого сделать.

– Следовало принять наше приглашение, когда у тебя была такая возможность, – говорит Черный, с силой оттягивая крыло от туловища Белого. – Хотя даже я не мог предвидеть такого конца.

Он снова кивает Полосатому. Меч со свистом опускается, отсекая крыло.

Белый издает вопль ярости и муки, отдающийся эхом вдоль улицы.

Во все стороны хлещет кровь, забрызгивая остальных. Ангелы пытаются удержать скользкого от крови Белого, но он изворачивается и с молниеносной быстротой дает пинка двоим из них. Те катятся по асфальту, корчась и хватаясь за живот. На мгновение, пока оставшиеся ангелы пытаются снова прижать его к земле, мне кажется, что ему удастся вырваться.

Но Черный ставит ногу на спину Белого, прямо на его свежую рану.

Белый шипит от боли, но не кричит. Остальные пользуются шансом, чтобы снова придавить его к земле.

Черный бросает отрубленное крыло. Оно падает на асфальт с глухим звуком, словно мертвое животное.

Лицо Белого искажено от ярости. Он не намерен сдаваться, но силы быстро оставляют его вместе с кровью, которая заливает его кожу, склеивает волосы.

Черный хватается за оставшееся крыло и раскрывает его.

– Будь моя воля, я отпустил бы тебя, – говорит Черный. Судя по наслаждению в его голосе, я сомневаюсь, что он в самом деле поступил бы так. – Но у нас есть приказ.

В его голосе не звучит ни капли жалости.

В клинке Полосатого, нацеленном на сустав крыла Белого, отражается луна.

Я внутренне сжимаюсь, ожидая очередного кровавого удара. Позади меня едва слышно всхлипывает Пейдж.

Сидящий позади Черного Жженный внезапно поворачивает голову. Он смотрит прямо на нас.

Я замираю на корточках за фургоном. Мое сердце на мгновение останавливается, чтобы затем биться вдвое быстрее.

Жженный встает и идет в сторону от кровавой бойни.

Идет прямо к нам.

Страх лишает меня способности мыслить. Единственное, о чем я могу думать, – как отвлечь ангела, пока мама откатит Пейдж в безопасное место.

– Беги!

На лице матери застывает маска ужаса. Охваченная паникой, она поворачивается и бежит прочь, без Пейдж. Видимо, решила, что коляску толкать буду я. Пейдж смотрит на меня широко раскрытыми от страха глазами, которые занимают бóльшую часть ее эльфийского личика.

Развернув коляску, она устремляется следом за мамой. Моя сестра может катить коляску сама, но не так быстро, как тогда, когда ее толкает кто-то другой.

Если ангелов не удастся отвлечь, никому из нас не уйти отсюда живым. Почти не раздумывая, я за долю секунды принимаю решение.

Я выбегаю на открытое пространство, прямо навстречу Жженому.

Словно в тумане, слышу яростный, полный муки рев. Отрублено второе крыло. Вероятно, уже слишком поздно. Но я уже там, где лежит меч Белого, и у меня нет времени придумывать новый план.

Я подхватываю меч почти из-под ног Жженого обеими руками и ожидаю, что он окажется очень тяжелым. Но меч легко поднимается, невесомый, словно воздух. Я бросаю его в сторону Белого.

– Эй! – кричу во всю силу легких.

Жженный приседает, застигнутый врасплох видом летящего над его головой меча. С моей стороны это отчаянный и плохо продуманный ход, особенно если учесть, что ангел, вероятно, сейчас еле жив от потери крови. Но меч летит намного точнее, чем я могла себе представить, и опускается рукояткой вперед прямо на вытянутую руку Белого, словно направленный туда некой силой.

Бескрылый ангел без промедления замахивается мечом на Черного. Несмотря на ужасающие раны, движения его быстры и яростны. Теперь я могу понять, почему другим потребовалось немалое численное превосходство, чтобы загнать его в угол.

Клинок рассекает живот Черного. Хлещет кровь, смешиваясь с красной жидкостью на асфальте. Полосатый подскакивает к своему жожаку и подхватывает его, не давая упасть.

Кровь струями стекает по спине Белого, который, пошатываясь, пытается удержать равновесие без крыльев. Ему удается еще раз взмахнуть мечом, распоров ногу Полосатого, который убегает с Черным на руках.

Оставшиеся двое, до этого державшиеся поодаль, бросаются вперед и подхватывают Черного с Полосатым. Взмахнув могучими крыльями, они взмывают вместе с ранеными, оставляя за собой кровавый след, и исчезают в ночном небе.

Мой отвлекающий маневр увенчался неожиданным успехом. У меня вспыхивает надежда, что, возможно, моя семья к этому времени уже нашла себе новое убежище.

А затем мир взрывается болью – Жженный с размаху бьет меня в грудь.

Я отлетаю назад и падаю на асфальт. Легкие сжимает судорога, не давая вздохнуть. Все, что я могу, – свернуться в клубок, пытаясь глотнуть воздуху.

Жженный поворачивается к Белому, которого уже нельзя назвать белым. Мускулы его напряжены, и он несколько мгновений колеблется, словно оценивая свои шансы на победу

над раненым ангелом. Белый, бескрылый и залитый кровью, едва стоит на ногах, но рука его тверда, и меч направлен на Жженого. В глазах Белого пылают гнев и решимость, благодаря которым он, похоже, сейчас только и держится.

Должно быть, репутация окровавленного ангела хорошо известна его противнику, поскольку, несмотря на состояние Белого, здоровый и мускулистый Жженный убирает меч обратно в ножны. Бросив на меня полный ненависти взгляд, он пробегает с десятков шагов по улице, а затем крылья поднимают его в воздух.

В ту же секунду, когда противник поворачивается к нему спиной, раненый ангел бессильно опускается на колени между собственными отрубленными крыльями. Он быстро истекает кровью, и я уверена, что через несколько минут наступит смерть.

Наконец мне удастся вздохнуть. Воздух обжигает легкие, но судорога проходит. Несколько мгновений я лежу неподвижно, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение, затем поворачиваюсь и бросаю взгляд вдоль улицы.

Увиденное повергает меня в ужас.

Пейдж с трудом катится по асфальту. В небе Жженный описывает круг, словно стервятник, а затем пикирует прямо к моей сестре.

Вскочив, я пулей мчусь к ней. Мои легкие отчаянно требуют воздуха, но я не обращаю на это внимания.

Жженный презрительно смотрит на меня. От взмахов его крыльев шевелятся волосы на моей голове.

Уже совсем близко. Если бы только чуть-чуть быстрее... Это я виновата. Я разозлила его настолько, что он решил сорвать свою злость на Пейдж. Чувство вины подгоняет меня. Нужно спасти ее во что бы то ни стало.

– Беги, мартышка! Беги! – издевается Жженный.

Он протягивает вниз руки и хватается Пейдж.

– Нет! – кричу я, пытаюсь до нее дотянуться.

Ангел поднимает ее в воздух.

– Пенрин! – кричит она.

Я хватаюсь за штанину с желтыми звездочками, которые вышила мама для защиты от сил зла. На мгновение кажется, что я смогу вырвать сестру из рук ангела, но ткань выскальзывает из моей руки.

– Нет! – Я подпрыгиваю, пытаюсь ухватить сестру за ноги, но мне удастся лишь коснуться пальцами ее туфель. – Верни ее! Она тебе ни к чему! Она всего лишь маленькая девочка! – Мой голос срывается.

Секунду спустя ангел уже слишком высоко, чтобы меня услышать. Но я все равно кричу, продолжая бежать следом за ними по улице, даже когда крики Пейдж стихают вдали. Сердце мое замирает при мысли о том, что он может уронить ее с такой высоты.

Я еще долго стою посреди улицы, тяжело дыша и глядя, как исчезает в небе крошечная точка.

Проходит немало времени, прежде чем я оглядываюсь по сторонам в поисках мамы. Дело вовсе не в том, что меня мало волнует ее судьба, – просто наши отношения несколько сложнее, чем обычные отношения дочери и матери. Светлая любовь, которую мне полагалось бы к ней испытывать, перечеркнута черной полосой и запятнана всевозможными оттенками серого.

Ее нигде не видно. Тележка лежит на боку, содержимое рассыпано возле грузовика, за которым мы прятались. Мгновение поколебавшись, я кричу:

– Мама!

Любой, кого мог бы привлечь шум, наверняка уже наблюдает за мной из темноты.

– Мама!

На пустынной улице ни единого движения. Если даже молчаливые наблюдатели и видели из темных окон, куда она пошла, никто мне об этом не скажет. Я пытаюсь вспомнить, не схватил ли ее другой ангел, но все, что предстает в моих мыслях, – это ноги поднимающейся над коляской Пейдж. В это время могло происходить все, что угодно, и я бы этого не заметила.

В цивилизованном мире, где есть законы, банки и супермаркеты, параноидальная шизофрения – серьезная проблема. Но в мире, где банки и супермаркеты используются бандитами в качестве камер пыток, паранойя в разумных количествах не помешает. Шизофрения, однако, совсем другое дело. Хуже некуда, когда не можешь отличить реальность от фантазии.

И все-таки есть шанс, что мама успела улизнуть, прежде чем дела стали по-настоящему плохи. Скорее всего, она где-то прячется, следя за моими перемещениями. Вот почувствует, что опасность миновала, и выйдет.

Я снова озираюсь. Видны лишь дома с темными окнами и мертвые машины. Если бы я не провела несколько недель, тайком выглядывая из одного из этих окон, я решила бы, что осталась последним человеком на планете. Но я знаю, что там, за стенами из бетона и стали, есть по крайней мере несколько пар глаз, чьи обладатели сейчас размышляют, стоит ли рисковать, выбегая на улицу ради крыльев ангела или любой другой части его тела, которую удастся отрезать.

По словам Джастина, который еще неделю назад был нашим соседом, на улицах поговаривают, что кто-то объявил награду за части тел ангелов, и вокруг этого сейчас возникает целый бизнес. Больше всего ценятся крылья, но за руки, ноги, скальпы и другие, более интимные части тела можно выручить неплохую сумму – если только докажешь, что они принадлежали ангелу.

Мои мысли прерывает негромкий стон. Я тотчас же напрягаюсь, готовясь еще к одной драке. Но передо мной никого нет, кроме лежащего лицом вниз окровавленного ангела.

Неужели он все еще жив?

Судя по рассказам, которые я слышала, если отрезать ангелу крылья, он умрет. Как и человек, если отрезать ему руку. Он просто истечет кровью, если оставить его без присмотра.

Когда еще выпадет шанс добыть кусочек ангела? В любую минуту улицу могут заполнить стервятники. Самое умное сейчас – убраться отсюда, и побыстрее.

Но если он жив, возможно, знает, куда другой ангел унес Пейдж. Я подбегаю к нему, чувствуя, как надежда заставляет сильнее биться сердце.

Кровь струится по его спине, растекаясь лужей по асфальту. Я бесцеремонно переворачиваю ангела, даже не задумываясь о том, опасно ли до него дотрагиваться. Охваченная паникой, все же замечаю его неземную красоту, идеальную форму его груди. Лицо тоже могло бы выглядеть как у классического ангела, если бы не синяки и ссадины.

Я встряхиваю его. Белый никак не реагирует, подобно греческой статуе, которую он напоминает.

Я с силой бью его по щеке. Веки вздрагивают, и он несколько мгновений смотрит на меня. Я с трудом подавляю желание бежать без оглядки.

– Куда они полетели?

Он стонет, и глаза снова закрываются. Я снова со всей силы даю пощечину:

– Скажи, куда они полетели? Куда ее унесли?

Отчасти я ненавижу ту новую Пенрин, которой я стала. Ненавижу девушку, которая хлещет по щекам умирающего. Но я загоняю эту мысль в дальние уголки сознания – пусть она мучит меня потом, когда Пейдж ничто уже не будет угрожать.

Ангел снова стонет, и я понимаю, что он ничего не сможет сказать, пока я не остановлю кровотечение и не переправлю его туда, где вряд ли появятся бандиты, чтобы разделить его на кусочки. Он весь дрожит, вероятно впадая в глубокий шок. Я переворачиваю его лицом вниз, на этот раз заметив, насколько он легкий.

Я подбегаю к маминой опрокинутой тележке и роюсь в груде тряпок, пытаюсь найти что-нибудь пригодное для перевязки. Аптечка первой помощи спрятана на самом дне. Поколебавшись лишь мгновение, хватаю ее. Мне не по себе от одной только мысли о том, что придется тратить драгоценные медикаменты на ангела, который все равно умрет. Но без крыльев он настолько похож на человека, что я позволяю себе воспользоваться стерильными бинтами для перевязки.

Спина его покрыта таким количеством крови и грязи, что я даже не вижу, где находятся раны. В конце концов решаю, что это не важно, – главное, чтобы он прожил еще немного и успел рассказать, куда забрали Пейдж. Я туго обматываю его туловище бинтами, стараясь сильнее сдавить раны. Не знаю, можно ли убить, слишком туго перебинтовав, но зато я знаю, что смерть от потери крови приходит намного быстрее, чем любая другая.

Я как будто чувствую спиной взгляд. Бандиты наверняка решили, что я отрезаю себе трофеи. Вероятно, сейчас размышляют, не вернуться ли другие ангелы, пока они будут вырывать куски плоти из моих рук. Нужно закутать его в тряпки и увезти отсюда, пока они не слишком осмелели. В спешке я заматываю его с ног до головы.

Я хватаю коляску Пейдж. Ангел удивительно легкий для своих размеров, и мне почти не требуется усилий. Если подумать, это вполне разумно. Куда проще летать, когда весишь пятьдесят фунтов, а не пятьсот. Впрочем, мысль о том, что он сильнее и легче человека, не добавляет мне теплых чувств к нему.

Я усаживаю ангела в коляску, делая вид, будто он страшно тяжел. Возможно, те, кто сейчас за мной наблюдает, решат, что я сильнее и крепче, чем выгляжу со своей худой фигуркой и ростом пять футов два дюйма.

Мне кажется или на лице ангела появилась улыбка?

Так или иначе, когда я сваливаю его в коляску, улыбка сменяется гримасой боли. Ангел слишком велик, чтобы устроиться поудобнее, но и так сойдет.

Я подхватываю шелковистые крылья, чтобы завернуть их в побитое молью одеяло из маминой тележки. Белоснежные перья кажутся удивительно мягкими, особенно по сравнению с грубым одеялом. Даже в такой момент возникает искушение их погладить. Если выдергивать перья и расплачиваться ими, одно крыло, вероятно, обеспечит нас троих кровом и пищей в течение года. Если, конечно, мы сможем снова собраться вместе.

Поспешно заворачиваю в одеяло оба крыла, не особо беспокоясь о целости перьев. Возникает мысль оставить одно крыло на улице, чтобы отвлечь бандитов, – пусть лучше они передерутся друг с другом, чем погонятся за мной. Но мне нужны оба этих крыла, чтобы заставить ангела поделиться со мной информацией. Я подбираю меч, удивительно легкий, как и перья, и бесцеремонно засовываю его в карман на сиденье коляски.

Я бросаюсь бежать по улице, толкая коляску перед собой.

Ангел умирает.

Лежа с забинтованным туловищем на диване, он ничем не отличается от человека. На лбу блестят капли пота. Он горячий на ощупь, словно в лихорадке.

Мы в здании одной из бесчисленных, недавно созданных интернет-компаний в Кремниевой долине. То, которое я выбрала, находится в бизнес-парке, заполненном одинаковыми строениями, и я надеюсь, что если кому-то сегодня и придет в голову совершить налет на офисное здание, он выберет другое, практически неотличимое от нашего.

Тем более что для этого есть повод – в вестибюле лежит труп. Он уже был там, когда мы пришли, – холодный, но еще не разложившийся. В здании ощущался запах бумаги и тонера, к которому добавлялся лишь слабый намек на присутствие мертвеца. Первым моим желанием было перебраться куда-нибудь. Собственно, я уже собралась так и сделать, когда вдруг пришло в голову, что подобное желание возникнет и у любого другого.

Входная дверь стеклянная, и труп видно снаружи. Мертвец лежит на спине в двух шагах за дверью, раскинув ноги и раскрыв рот. Поэтому я и решила выбрать это здание в качестве нашего временного пристанища. Здесь достаточно холодно для того, чтобы труп не начал вонять слишком быстро, хотя, полагаю, скоро нам придется уйти.

Ангел лежит на кожаном диване в помещении, напоминающем кабинет директора. Стены украшены черно-белыми фотографиями парка Йосемити в рамках, а на столе и полках стоят фото женщины и двух малышей в одинаковых костюмчиках.

Я выбрала одноэтажное здание, не слишком приметное, с вывеской компании «Зиготроникс». Кресла и диваны в вестибюле окрашены в яркие цвета, среди которых преобладает пурпурный и желтый. Возле кабинок для персонала стоит семифутовый надувной динозавр. Старая добрая Кремниевая долина... Думаю, мне бы понравилось работать в подобном месте, если бы я смогла окончить школу.

Здесь есть маленькая кухня. Я едва не расплакалась, увидев кладовую, забитую всевозможной снедью. Сладкие батончики, шоколадки, даже коробка лапши быстрого приготовления, той, что продается прямо в стаканчиках. Почему мне раньше не приходило в голову заглянуть в офисы? Вероятно, потому, что я никогда в них не работала.

На холодильник я не обращаю внимания, зная, что там нет ничего съедобного. Электричество все еще работает, но с перебоями и часто отключается на несколько дней подряд. Вероятно, в морозилке еще осталась еда, судя по запаху, – у яиц, с которыми мама не расстается, такой же. В здании есть даже собственный душ – вероятно, для страдающих ожирением начальников, пытающихся сбросить вес в обеденный перерыв. Так или иначе, он весьма пригодился для того, чтобы смыть кровь. Все домашние удобства налицо – естественно, не считая семьи, с которой действительно можно было бы чувствовать себя как дома.

Учитывая обстоятельства, у меня почти ни дня не проходило без мыслей о том, что без семьи было бы куда лучше. Но оказывается, это неправда. Теперь я постоянно задаюсь вопросом, как счастливы были бы Пейдж и мама, если бы мы нашли этот дом вместе. Мы смогли бы задержаться здесь на неделю, делая вид, будто все в порядке.

Я чувствую себя брошенной на произвол судьбы, потерянной и никому не нужной.

Теперь я начинаю понимать, что заставляет новых сирот присоединяться к уличным бандам.

Мы пробьли здесь два дня. Два дня, за которые ангел не умер, но и не пришел в себя. Он просто лежит, весь в поту. Я уверена, что он умирает. Иначе бы уже давно очнулся, разве не так?

Нахожу под раковиной аптечку, но пластырь и прочее вряд ли годятся для чего-то большего, чем порезы от бумаги. Я роюсь в аптечке, читая этикетки на пакетиках. Есть бутылочка с аспирином. Сбивает ли аспирин лихорадку так же, как снимает головную боль? Я читаю этикетку, и она подтверждает мои предположения.

Я понятия не имею, действует ли аспирин на ангелов и связана ли как-то лихорадка моего подопечного с ранами. Может, это для него нормальная температура. То, что он выглядит как человек, вовсе не означает, что он таковым является.

Я возвращаюсь в кабинет с аспирином и стаканом воды. Ангел лежит ничком на черном диване. В первую ночь я пыталась накрыть его одеялом, но он постоянно его сбрасывал. Так что сейчас на нем только штаны, сапоги и бинты вокруг туловища. Я сперва хотела снять штаны и сапоги, когда смывала с него кровь под душем, но решила обойтись без этого.

Черные волосы ангела прилипли ко лбу. Я хочу, чтобы он проглотил несколько таблеток и выпил воды, но никак не могу привести его в чувство. Он просто лежит, словно горячий кусок камня, и ни на что не реагирует.

– Если не выпьешь воды, я просто брошу тебя умирать одного.

Его забинтованная спина безмятежно поднимается и опускается. И так уже два дня.

Я четыре раза отправлялась на поиски мамы, но далеко не уходила, боясь, что ангел очнется, пока меня не будет, и я лишусь шанса найти Пейдж, прежде чем он умрет. Сумасшедшая женщина еще может постоять за себя на улице, но прикованная к инвалидной коляске маленькая девочка – никогда. И потому каждый раз, вернувшись из поисков, я бросаюсь к ангелу, чтобы убедиться, к своему облегчению и недовольству, что он все еще без сознания.

Уже два дня я по большей части сижу и ем лапшу, в то время как моя сестра...

Я не могу вынести даже мысли о том, что с ней сейчас. Мне не хватает воображения представить, что нужно ангелам от человеческого ребенка. Вряд ли ее захватили в рабство – она даже не может ходить. Заставляю себя не думать о том, что может случиться или уже случилось. Мне просто нужно сосредоточиться на том, чтобы ее найти.

Меня охватывают ярость и бессилие. Нестерпимо хочется швырнуть стакан с водой в стену, сорвать полки и зарать что есть мочи, словно капризный двухлетний ребенок. Желание это так сильно, что у меня начинают дрожать руки и я едва не проливаю воду.

Вместо того чтобы разбить стакан, я выплескиваю воду на ангела. Хочется кинуть следом и стакан, но я сдерживаюсь.

– Очнись, черт бы тебя побрал! Очнись! Что с моей сестрой? Чего от нее хотят? Где она, черт возьми? – кричу я во всю силу легких, зная, что могу привлечь с улицы бандитов, но сейчас меня это не волнует.

Я с размаху пинаю диван.

К моему крайнему изумлению, веки ангела медленно поднимаются и на меня устремляется взгляд его темно-синих глаз.

– Можно потише? Я спать хочу.

Его хриплый голос полон боли, но тем не менее в нем слышится высокомерный тон.

Я падаю на колени, глядя прямо ему в глаза:

– Куда улетели другие ангелы? Куда унесли мою сестру?

Он демонстративно закрывает глаза.

Я с силой бью его по спине, прямо по окровавленным бинтам.

Ангел быстро поднимает веки, скрежеща зубами. Он шипит от боли, но не вскрикивает. Взгляд его полон злобы. Я с трудом сдерживаю желание отойти назад.

– Тебе меня не напугать, – ледяным тоном говорю я, пытаюсь подавить страх. – Ты слишком слаб, чтобы даже стоять на ногах, ты потерял много крови и без меня бы уже умер. Говори, куда ее унесли.

– Она умерла, – спокойно отвечает он и закрывает глаза, словно вновь собираясь заснуть.

Могу поклясться – мое сердце замирает на целую минуту. Пальцы холодеют. Наконец я вновь обретаю способность дышать.

– Врешь. Врешь!

Он не отвечает. Я хватаю лежащее на столе старое одеяло.

– Смотри!

Я разворачиваю одеяло, и из него на пол вываливаются потрепанные крылья. Они смялись, перьев почти не видно. Упав, крылья слегка раскрываются, и тонкий пух поднимается, словно потягиваясь после долгого сна.

Я замечаю страх в глазах ангела – такой же, как у человека, который увидел свои собственные ампутированные ноги, вываливающиеся из побитого молью одеяла. Понимаю, что веду себя непростительно жестоко, но не могу поступить иначе, если хочу снова увидеть Пейдж живой.

– Твои? – Я едва узнаю собственный голос, холодный и жесткий. Голос наемника. Голос убийцы.

Крылья утратили свой блеск. Среди белоснежных перьев еще переливаются золотые блестки, но часть их сломана и торчит под странными углами, к тому же они склеились и съезжились от запекшейся крови.

– Если сможешь найти мою сестру, получишь их назад. Я сохранила их для тебя.

– Спасибо, – хрипит он, разглядывая крылья. – Отлично будут смотреться у меня на стене.

В его голосе звучит горечь, но вместе с ней и кое-что еще – возможно, надежда.

– До того как ты и твои дружки уничтожили наш мир, у нас были врачи, которые могли пришить обратно случайно отрезанный палец.

Я ничего не говорю насчет замораживания, умалчиваю и о том, что отрезанную часть тела нужно пришить в течение нескольких часов. Вероятно, он все равно умрет, и это уже не будет иметь никакого значения.

– Это не я их отрезала, – говорю я. – Но я могу помочь тебе. Если сможешь найти сестру.

Вместо ответа, он закрывает глаза и, похоже, засыпает.

Дыхание глубокое и ровное, как у крепко спящего человека. Но выздоравливает он не так, как человек. Когда я притащила его сюда, его лицо было иссиня-черным и опухшим. Сейчас, после почти двухсуточного сна, оно вновь обрело нормальный вид. Вмятина от сломанных ребер исчезла. Пропали и синяки на скулах и вокруг глаз, а многочисленные порезы и ссадины на руках, плечах и груди полностью зажили.

Единственное, что не зажило, – раны в тех местах, где прежде были крылья. Я не вижу,

что происходит с ними под бинтами, но, поскольку они все еще кровоточат, вряд ли дела обстоят намного лучше, чем два дня назад.

Я обдумываю возможные варианты. Если не удастся подкупить ангела, придется выбивать из него ответ пытками. Я готова на все ради моей семьи, но не знаю, сумею ли зайти столь далеко.

Но ему знать об этом не обязательно.

Теперь, когда он очнулся, стоит найти что-нибудь, чем можно его связать. Я направляюсь к выходу.

Выйдя из кабинета, я обнаруживаю, что над мертвецом в вестибюле кто-то успел поиздеваться. Кажется, будто он потерял все свое достоинство с тех пор, как я видела его в последний раз.

Кто-то положил одну руку трупа ему на бедро, другая как бы тянется к волосам. Длинные лохматые волосы торчат во все стороны, словно у казненного на электрическом стуле, рот измазан губной помадой. От широко раскрытых глаз, подобно солнечным лучам, тянутся нарисованные фломастером черные линии. Посреди груди, словно флажок, торчит кухонный нож, которого не было час назад. Мертвеца изувечили с некой целью, которая могла прийти в голову только безумцу.

Мама нашла меня.

Состояние моей матери не столь устойчиво, как могло бы показаться. Степень ее безумия растет и падает без какой-либо предсказуемой периодичности или повода. Когда все хорошо, ты и не догадываешься, что с ней что-то не так. В такие дни меня мучит чувство вины перед ней – за мою злость и бессилие. Когда все плохо, я могу выйти из комнаты и найти на полу превратившегося в игрушку мертвеца. Хотя, если честно, она никогда раньше не играла с трупами, – по крайней мере, я такого не видела. До того как мир развалился на части, мама всегда была на грани, а зачастую и в нескольких шагах за ней. Но уход отца, а затем нашествие ангелов лишь ускорили процесс. Та часть разума, которая удерживала ее от прыжка во тьму, попросту перестала существовать.

Возникает мысль похоронить тело, но холодный разум подсказывает мне, что оно все еще остается лучшим отпугивающим средством. Любой находящийся в здравом уме человек, заглянув в стеклянную дверь, захочет бежать отсюда как можно дальше. Мы теперь постоянно играем в игру под названием «Кто безумнее и страшнее». И моя мать – наше тайное оружие в этой игре.

Я осторожно иду в сторону душевой, откуда слышатся звуки льющейся воды. Мама напевает навязчивую мелодию, которую, думаю, сама же и сочинила. Она часто пела нам, пребывая в полубессознательном состоянии, песню без слов, грустную и ностальгическую. Возможно, когда-то даже были слова, потому что каждый раз, когда ее слышу, представляю себе закат над океаном, древний замок и прекрасную принцессу, которая бросается со стены в грохочущие волны.

Я стою перед дверью душевой, прислушиваясь к мелодии. Судя по всему, очередной приступ безумия подошел к концу. Обычно мама пела эту песенку, заклеивая пластырем ссадины и порезы, которые сама же и нанесла нам в невменяемом состоянии.

В такие моменты она была с нами особенно нежна, и чувствовалось, что ей по-настоящему жаль. Думаю, таким образом она пыталась извиниться. Само собой, нам это мало помогало, но, возможно, именно так она давала понять, что всплывает на поверхность из тьмы, перемещаясь в серую зону.

Она постоянно напевала эту мелодию после несчастного случая с Пейдж. Мы так точно и не выяснили, что произошло. В то время дома были лишь Пейдж и мама, и только им известно, что случилось на самом деле. Мама потом несколько месяцев плакала, обвиняя во всем себя. Я тоже обвиняла во всем ее – а как могло быть иначе?

– Мама! – зову я через закрытую дверь душевой.

– Пенрин! – кричит она сквозь плеск воды.

– С тобой все в порядке?

– Да. А с тобой? Ты не видела Пейдж? Нигде не могу ее найти.

– Мы найдем ее, обязательно. Как ты меня нашла?

– Ну... просто нашла.

Мама обычно не лжет, но у нее есть привычка недоговаривать.

– Как ты нашла меня, мама?

Несколько мгновений слышен лишь шум воды, затем мама отвечает:

– Мне сказал демон.

Голос звучит неохотно, словно она чего-то стыдится. В нынешних обстоятельствах я бы даже могла ей поверить, вот только никто, кроме нее, не видит и не слышит своих личных демонов.

– Весьма любезно с его стороны, – говорю я.

На демонов обычно возлагается вина за все безумные поступки, которые совершает мать. Они редко удостоиваются похвалы за добрые дела.

– Пришлось пообещать, что я для него кое-что сделаю.

Честный ответ. И предупреждение.

Моя мать сильнее, чем может показаться на первый взгляд, и, если ее застигнуть врасплох, можно серьезно пострадать. Всю свою жизнь она думала о том, как защититься – незаметно подкрасться к нападающему, спрятаться от Того, Кто Следит, прогнать чудовище обратно в преисподнюю, прежде чем оно похитит души ее детей.

Прислонившись к двери душевой, я обдумываю варианты. Что бы она ни пообещала своему демону, вряд ли это что-то безобидное. И вполне возможно, весьма болезненное. Вопрос лишь в том, кому предстоит испытать боль.

– Сейчас возьму кое-какие вещи и засяду в кабинете, – говорю я. – Пробуду там день-два, но ты не беспокойся, ладно?

– Ладно.

– Мне не хотелось бы, чтобы ты сидела в кабинете. Но не выходи из здания, хорошо? В кухне есть вода и еда.

Возникает желание сказать ей, чтобы была поосторожнее, но потом понимаю: это глупо. В течение десятилетий мама и без того вела себя крайне осторожно, береглась людей и чудовищ, пытавшихся ее убить. И вот, после Нашествия, наконец их встретила.

– Пенрин?

– Да?

– Пусть на тебе будет одежда со звездами.

Она имеет в виду желтые звездочки, которые вышила на нашей одежде. Я не смогла бы ее не носить, даже если бы захотела. Звездочки вышиты на всем, что у нас есть.

– Ладно, мам.

Несмотря на замечание насчет звездочек, речь ее звучит вполне осмысленно. Возможно, не стоит этому особо радоваться, после того как я увидела оскверненный труп.

Я не столь беспомощна, как обычная девочка-подросток.

Когда Пейдж было два года, мы с отцом, вернувшись домой, нашли ее на полу, всю переломанную. Мать пребывала в состоянии глубокого шока. Мы так и не смогли в точности выяснить, что произошло и как долго она стояла, оцепенев, над Пейдж. В течение

нескольких недель мама плакала и рвала на себе волосы, не произнеся за это время ни единого слова.

Когда она наконец пришла в себя, первое, что она сказала, – я должна брать уроки самообороны. Ей хотелось, чтобы я научилась драться. Она отвела меня в школу боевых искусств и заплатила наличными за пять лет обучения.

Поговорив с сэнсэем, она выяснила, что существуют разные виды боевых искусств: тэквондо – для боя на небольшом расстоянии, джиу-джитсу – для схватки один на один, эскрима – для боя на ножах. Она проехала по всему городу, записывая меня на все эти единоборства, и не только. Уроки стрельбы из пистолета и лука, курсы по выживанию, сикхские лагеря, самооборона для женщин – все, что ей удалось найти.

Через несколько дней об этом узнал отец, но она уже потратила тысячи долларов. Папа, у которого и без того хватало волнений из-за больничных счетов для несчастной Пейдж, изменился в лице, узнав, что наделала мама.

После периода столь лихорадочной деятельности она, казалось, обо всем забыла, даже о том, что вообще куда-то меня записывала. Единственный раз спросила об этом пару лет спустя, когда я нашла ее коллекцию газетных заметок. Я видела раньше, как она иногда делает вырезки из газет, но никогда не интересовалась их содержанием. Она хранила заметки в старомодном розовом фотоальбоме с надписью «Первый альбом малыша». Однажды он оказался раскрытым на столе, словно приглашая меня заглянуть.

Жирные буквы заголовка аккуратно наклеенной на открытой странице заметки гласили: «Мать-убийца говорит, что ее заставил это сделать дьявол».

Я перевернула страницу: «Мать бросает малышкой в пруд и смотрит, как они тонут».

На следующей: «Во дворе дома женщины найдены детские скелеты».

В одной из заметок говорилось про шестилетнего мальчика, обнаруженного в двух футах от входной двери. Родная мать нанесла ему больше десятка ударов ножом, прежде чем подняться наверх и проделать то же самое с его маленькой сестренкой.

В статье цитировались слова родственника, утверждавшего, что за несколько часов до трагедии мать изо всех сил пыталась отправить детей к сестре. Той нужно было на работу, и она не могла принять малышкой. Родственник говорил, мать как будто боялась того, что может произойти, – должно быть, ощущала приближение умопомрачения. По его словам, придя в себя и поняв, что натворила, она едва не растерзала сама себя от ужаса и горя.

Я могла лишь представить, каково было мальчику, который отчаянно пытался выбраться из дому, чтобы позвать на помощь.

Не знаю, как долго мама стояла у меня за спиной и наблюдала, как я просматриваю заметки, прежде чем спросить:

– Ты все еще берешь уроки самообороны?

Я кивнула.

Она ничего не сказала – просто прошла мимо, держа в руках грудку досок и книг.

Потом я нашла их на крышке унитаза. В течение двух недель мама настаивала, чтобы они оставались там как защита от демонов, которые могут прийти по трубам. Мол, легче спать, когда демоны не нашептывают тебе всю ночь.

Я не пропустила ни одной тренировки.

В офисной кухне я собираю в сумку лапшу быстрого приготовления, сладкие батончики, клейкую ленту и несу все это в кабинет. Шум нисколько не беспокоит ангела, который, похоже, снова наслаждается мертвым сном.

Я снова бегу в кухню, и в ту же секунду смолкает шум воды в душе. Схватив несколько бутылок воды, я мчусь обратно в кабинет. Несмотря на то что мама нашла меня и я теперь могу облегченно вздохнуть, я не хочу ее видеть. Хватит и того, что она здесь и ей ничто не угрожает. Нужно сосредоточиться на поисках Пейдж, не отвлекаясь постоянно на мысли о том, что на уме у матери.

Стараясь не смотреть на труп в вестибюле, я напоминаю себе, что мама вполне может позаботиться о себе сама. Проскользнув в кабинет, закрываю дверь и запираю ее на защелку. Кому бы ни принадлежал кабинет, этому человеку явно нравилось тут уединяться, и меня это вполне устраивает.

Пока ангел был без сознания, я была уверена, что мне ничто не грозит, но теперь, когда он очнулся, я не могу чувствовать себя в безопасности, несмотря на то что он ранен и слаб. На самом деле мне ничего не известно о том, насколько сильны ангелы. Как и любой другой, я почти ничего о них не знаю.

Я обматываю клейкой лентой его лодыжки и запястья за спиной, так что он теперь практически беспомощен. Больше мне все равно ничего не сделать. Возникает мысль связать его для надежности еще и веревкой, но лента достаточно прочна, и если ему удастся ее разорвать, то и веревка мало чем поможет. Я почти уверена, что у него едва хватит сил, чтобы поднять голову, но – кто знает. От волнения я использую почти всю катушку клейкой ленты.

Лишь закончив, я замечаю, что ангел смотрит на меня. Похоже, мои манипуляции его разбудили. Глаза у него темно-синие, почти черные. Я отступаю на шаг, чувствуя себя так, будто меня застигли за чем-то непристойным. Но, вне всякого сомнения, ангелы – наши враги. Вне всякого сомнения, они – мои враги, пока Пейдж в их руках.

Он смотрит на меня обвиняющим взглядом. Я с трудом сдерживаю желание попросить прощения, но понимаю, что он этого не заслуживает. На его глазах я разворачиваю одно из крыльев, достаю из ящика стола ножницы и подношу их к перьям.

– Куда унесли мою сестру?

Глаза его на мгновение вспыхивают.

– Почему я должен это знать, черт побери?

– Потому что ты – один из тех вонючих уродов.

– Ох, ты меня ранила до глубины души, – скупающе отвечает он, и я почти жалею, что не нашла оскорбления посильнее. – Неужто не заметила, что у меня не было особого желания общаться с этими парнями?

– Никакие они не парни. У них ничего общего с людьми. Всего лишь прохудившиеся мешки личинок-мутантов вроде тебя.

Внешне он и другие ангелы, которых я видела, похожи на живых Адонисов, вплоть до божественного облика и осанки. Но внутри они точно не более чем личинки.

– Прохудившиеся мешки личинок-мутантов? – Он поднимает изящные брови, словно я только что провалила экзамен по словесным оскорблениям.

В ответ я щелкаю ножницами, срезая несколько перьев с крыла. Белоснежный пух мягко

опускается на мои ботинки. Но чувство удовлетворения тут же сменяется неловкостью, стоило мне увидеть гневное выражение лица ангела. Это напоминает мне, как он почти победил один против пяти противников. Даже связанный и бескрылый, он все равно внушает страх.

– Попробуй еще раз, и я разорву тебя пополам, прежде чем ты успеешь хоть что-то сообразить.

– Забавно слышать такое от того, кто связан, словно индюшка. И как ты собираешься это сделать? Будешь дергаться, словно перевернутая черепаха?

– На самом деле сделать это не так уж сложно. Вопрос только в том – когда.

– Верно. Если бы ты мог, ты бы давно уже это сделал.

– А с тобой весело, – заявляет он так самоуверенно, будто полностью контролирует ситуацию. – Самодовольная мартышка с ножницами.

Расслабившись, он опускает голову на диван.

Щеки мои вспыхивают от гнева.

– Думаешь, это игра? Думаешь, ты уже не был бы мертв, если бы речь не шла о моей сестре? – почти кричу я и яростно срезаю еще несколько перьев.

Когда-то изящное крыло теперь выглядит неровным, даже рваным по краям.

Ангел снова поднимает голову, и жилы на его шее напрягаются так сильно, что у меня возникают сомнения в его слабости. Следом напрягаются и мышцы на его руках, и я начинаю беспокоиться, достаточно ли прочны его путы.

– Пенрин? – слышится за дверью голос матери. – С тобой все в порядке?

Я оглядываюсь – хочу убедиться, что дверь заперта.

Когда снова бросаю взгляд на диван, ангела там уже нет, а на его месте валяются лишь обрывки клейкой ленты.

Я чувствую чье-то дыхание на своем затылке, а затем из моей руки вырывают ножницы.

– Все в порядке, мама, – на удивление спокойно отвечаю я.

Если она останется здесь, тем опаснее для нее. Если я скажу ей, чтобы ушла, вероятно, она впадет в панику и ее реакция может оказаться непредсказуемой.

Мускулистая рука обхватывает меня сзади за шею и начинает сжимать.

Схватив ангела за руку, я резко опускаю подбородок – пытаюсь снизить давление на горло. У меня двадцать секунд, чтобы вырваться, прежде чем отключится мозг или не выдержит трахея.

Присев как можно ниже, я отпрыгиваю назад, врезаюсь в стену спиной. Удар кажется сильнее, чем если бы мой противник весил как обычный человек.

Я слышу судорожное «Уфф!» и грохот падающих фотографий и понимаю, что сейчас острые края их рамок врезаются в раны на его спине.

– Что за шум? – обеспокоенно спрашивает мама.

Рука изо всех сил сдавливает мне горло, и я снова понимаю, что выражение «милосердный ангел» давно уже превратилось в оксюморон. Не тратя лишней энергии на сопротивление, я вкладываю все силы еще в один удар о стену. По крайней мере, я причиню ему как можно больше боли, прежде чем он придушит меня.

На этот раз он издает более громкий стон. Возможно, меня бы это обрадовало, если бы неплыли круги перед глазами.

Еще один удар, и в глазах у меня темнеет.

И в то же мгновение захват его ослабевает. Я падаю на колени, судорожно пытаюсь

вдохнуть. Голова кажется невероятно тяжелой, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не рухнуть на пол.

– Пенрин Янг, немедленно открой дверь!

Дверная ручка дергается. Вероятно, мама все это время звала меня, но я не слышала.

Ангел стонет от боли. Он ползет мимо меня, и я начинаю понимать, в чем дело. Спина его кровоточит сквозь бинты в двух местах, там, где должны быть раны. Я оглядываюсь. Из стены торчат два огромных гвоздя, на которых до этого висел плакат в рамке с видом парка Йосемити, и с их головок стекает кровь.

Впрочем, ангел не единственный, кому сейчас очень плохо. Похоже, я не в силах вздохнуть. Сгибаюсь пополам и захожусь в приступе кашля.

– Пенрин, с тобой все в порядке? – слышится встревоженный голос мамы.

Даже думать не хочется о том, что она сейчас себе воображает.

– Угу, – хрипло отвечаю я. – Все в порядке.

Ангел забирается на кушетку и со стоном снова ложится на живот. Я зловеще оскаливаюсь.

– Ты не заслуживаешь спасения, – говорит он, бросая на меня презрительный взгляд.

– Можно подумать, я в нем нуждаюсь, – хриплю я. – Зачем мне в рай, если там полно убийц и похитителей детей вроде тебя и твоих дружков?

– Кто сказал, что я из рая? – мрачно ворчит он.

Сейчас он и впрямь куда более похож на создание ада, чем на райское существо. Дьявольский облик искажает лишь гримаса боли.

– Пенрин, с кем ты разговариваешь? – В голосе мамы прорываются безумные нотки.

– Всего лишь со своим личным демоном, мам. Не беспокойся. Он совсем маленький и слабый.

Слабый или нет, но мы оба знаем, что он может убить меня, если захочет. Впрочем, я не собираюсь доставлять ему удовольствие, показывая свой страх.

– О... – Она внезапно успокаивается, словно мои слова все объясняют. – Ладно. Но не стоит их недооценивать. И не давай им обещаний, которых не можешь выполнить.

Судя по тому, как стихает ее голос, она удовлетворилась моим ответом и уходит.

Ангел бросает озадаченный взгляд на дверь, и я невольно усмехаюсь. Кажется, что он хочет сказать: «Ты еще более странная, чем твоя мать».

– Держи. – Я достаю из сумки моток бинтов и бросаю ему. – Приложи к ранам.

Он ловко хватает бинты и тотчас же закрывает глаза:

– Как по-твоему, я могу достать до спины?

– Это не моя проблема.

Вздыхнув, он разжимает пальцы, и бинты падают на пол, разматываясь на ковре.

– Эй, ты что, опять засыпаешь?

В ответ я слышу лишь приглушенное мычание, и дыхание его вновь становится размеренным и ровным, как у крепко спящего человека.

Черт!

Я продолжаю стоять, наблюдая за ним. Сон явно оказывает на него целебное воздействие, судя по зажившим до этого ранам. Если бы он не был столь изранен и измотан, наверняка как следует надрал бы мне задницу, даже если бы решил меня не убивать. Но меня до сих пор раздражает, что он не видит во мне никакой опасности, позволяя себе спокойно спать в моем присутствии.

Идея с клейкой лентой оказалась неудачной. Она пришла мне в голову лишь потому, что я сочла его слабым как младенец. Но теперь, когда я уже знаю, что к чему, какие есть варианты?

Я роюсь в ящиках кухонного стола и кладовой, но не нахожу ничего полезного. Лишь в чьей-то спортивной сумке под столом обнаруживаю старомодный велосипедный замок – тяжелую, обмотанную пластиком цепь с ключом в замке. В свое время умели делать прочные цепи.

В здании нет ничего такого, к чему можно было бы приковать ангела, и я использую для этой цели металлическую тележку, стоящую рядом с копировальным аппаратом. Сбросив с нее пачки бумаги, я качу ее в кабинет. Матери нигде не видно, и я могу лишь предположить, что она оказывает мне любезность, позволяя наедине пообщаться с «личным демоном». Я подкатываю тележку к спящему ангелу. Осторожно, чтобы не разбудить, я туго обматываю цепь вокруг обоих его запястий, затем делаю несколько оборотов вокруг металлической ножки тележки, выбирая слабинку, и с щелчком поворачиваю ключ в замке.

Цепь может скользить вверх и вниз по ножке, но не может с нее свалиться. Так даже лучше, чем я сперва думала, поскольку теперь я могу перемещать ангела на любое расстояние, не давая возможности сбежать. Куда бы он ни двинулся, тележка будет катиться за ним.

Завернув его крылья в одеяло, я убираю их в один из больших металлических шкафов рядом с кухней. Я чувствую себя чуть ли не грабительницей могил, вытаскивая из ящика папки и складывая их наверху шкафа. Каждая из этих папок когда-то что-то значила – дом, патент, бизнес. Чья-то мечта, которая теперь лишь собирает пыль в заброшенном офисе.

Ключ от замка я бросаю в тот же ящик, где в первую же ночь спрятала меч ангела.

Я снова пересекаю вестибюль и проскальзываю в кабинет. Ангел то ли спит, то ли без сознания – точнее сказать сложно. Я запираю дверь и сворачиваюсь клубком в кресле начальника.

Прекрасное лицо ангела расплывается перед моими глазами, веки тяжелеют. Я не спала двое суток, боясь упустить момент пробуждения ангела и заодно, возможно, свой единственный шанс. Во сне он напоминает мне окровавленного принца, закованного в цепи в подземной темнице. Когда я была маленькой, мне всегда хотелось стать Золушкой, но, думаю, теперь я больше похожа на злую ведьму.

Впрочем, Золушка не жила в постапокалиптическом мире, подвергшемся нашествию ангелов мщения.

Еще не успев проснуться, я понимаю: что-то не так. Спросонья слышу звук бьющегося стекла и полностью пробуждаюсь еще до того, как он стихает.

Чья-то рука зажимает мне рот.

Ангел едва слышным шепотом заставляет меня замолчать. Первое, что я вижу в тусклом свете луны, – металлическая тележка. Вероятно, он вскочил с кушетки и перекатил ее сюда за доли секунды, пока билось стекло.

И тут до меня доходит, что если мы с ангелом вдруг оказались по одну сторону, значит нам обоим угрожает кто-то еще.

Под дверью в полутьме мерцает свет.

Когда я засыпала, горели люминесцентные лампы, но теперь темно и лишь луна светит в окна. Кажется, будто кто-то светит в щель фонариком, двигая его туда-сюда. То ли явились некие незваные гости, то ли фонарик включила мама, когда вырубилось электричество. Явный признак жизни.

Нельзя сказать, что она не осознает возможного риска. Она далеко не глупа. Просто ее разновидность паранойи вынуждает опасаться сверхъестественных хищников больше, чем обычных. И потому для нее иногда важнее отогнать зло светом, чем не дать обнаружить себя простым смертным. Повезло мне, нечего сказать.

Прикованный к металлической тележке, ангел по-кошачьи движется к двери.

На его спине сквозь бинты проступают темные пятна, похожие на рисунки из теста Роршаха. Хоть ему и достало сил, чтобы разорвать моток клейкой ленты, он все еще истекает кровью. Хватит ли ему сил, чтобы сразиться с полудюжиной бандитов, отважившихся ночью бродить по улицам? Внезапно я жалею, что заковала его в цепи. Кем бы ни был пришелец, вряд ли он один, тем более ночью.

– Э-эй! – слышится в темноте веселый мужской голос. – Есть кто-нибудь дома?

Пол в вестибюле устлан ковром, и я не могу понять, сколько пришельцев, пока с разных сторон не раздастся треск ломающейся мебели. Судя по звукам, их по крайней мере трое.

Где мама? Успела ли убежать и спрятаться?

Я оценивающе смотрю на окно. Вряд ли его легко разбить, но если это удалось бандитам, то наверняка удастся и мне. Оно достаточно велико, чтобы можно было выпрыгнуть. Слава любым оставшимся в мире богам, мы на первом этаже.

Я надавливаю на стекло, пытаюсь определить его прочность. Чтобы разбить, потребуется время. К тому же звук ударов будет отдаваться эхом по всему зданию.

Снаружи слышатся голоса перекликающихся бандитов. Они улюлюкают и вопят, круша все вокруг. Похоже, они устроили целое представление, чтобы как следует напугать нас к тому времени, когда найдут. Судя по производимому шуму, их не меньше шести.

Я снова бросаю взгляд на ангела. Он прислушивается, вероятно оценивая собственные шансы. Раненный и прикованный к металлической тележке, он лишен какой-либо возможности улизнуть от бандитов.

С другой стороны, если звук разбиваемого окна привлечет бандитов, все их мысли будут заняты ангелом, стоит лишь его увидеть. Ангел для них словно золотая жила, а они – удачливые старатели. В суматохе мы с мамой сможем сбежать. Но что потом? Мертвый ангел не скажет мне, где искать Пейдж.

Возможно, бандиты лишь поломают мебель, заберут еду на кухне и уйдут.

В ночи раздается пронзительный женский вопль.

Мама.

Мужские голоса звучат громче и оживленнее, словно лай стаи собак, загнавших в угол кошку.

Схватив стул, я с размаху бью им по окну. Стекло звенит и прогибается, но не разбивается. Я пытаюсь отвлечь бандитов, надеясь, что шум заставит их забыть о матери. Я еще и еще раз отчаянно бью по стеклу.

Снова раздаётся женский крик. Голоса приближаются.

Ангел хватает тележку и швыряет ее в окно. Осколки разлетаются во все стороны. Я съеживаюсь, но тут же понимаю, что ангел заслонил меня своим телом.

На запертую дверь кабинета обрушивается тяжелый удар. Дверь дрожит, но запор выдерживает.

Схватив тележку, я подтаскиваю ее к подоконнику, пытаюсь помочь ангелу выбраться.

Дверь с грохотом распахивается, повисая на сломанных петлях.

Ангел бросает на меня взгляд и говорит:

– Беги.

Я выскакиваю из окна.

Приземлившись, бегу вокруг здания, ищу задний вход или разбитое окно, через которое можно было бы влезть обратно. Мысли мои заняты тем, что происходит сейчас с мамой, с ангелом, с Пейдж. Я едва сдерживаю нестерпимое желание спрятаться в кустах и свернуться в клубок. Отключить зрение, слух, мозг – просто лежать, пока не останется больше ничего.

Тряхнув головой, я загоняю жуткие картины в самые дальние уголки сознания, где с каждым днем от них все теснее. Когда-нибудь они вырвутся, поразив остальную часть моей личности. Возможно, наступит день, когда дочь станет такой же, как и ее мать. Но пока что я вполне владею собой.

Мне не приходится идти далеко, чтобы найти разбитое окно. Учтывая, сколько я колотила по стеклу в кабинете, мне становится не по себе при мысли о силе того, кому удалось высадить стекло. Но это не останавливает меня, и я возвращаюсь в здание.

Я перебегаю от кабинета к кабинету, от комнаты к комнате, шепотом зовя мать.

В коридоре, ведущем в кухню, лежит мужчина. Рубашка на нем разорвана, из обнаженной груди торчат шесть столовых ножей. Кто-то нарисовал розовой губной помадой пентаграмму и воткнул в каждый из ее концов по ножу. Вокруг лезвий пузырится кровь. Глаза лежащего широко раскрыты, словно он в ужасе смотрит на свои раны, не в силах поверить в случившееся.

Моей маме ничто не угрожает.

При виде того, что она сделала с этим человеком, я не могу избавиться от мысли о том, хорошо ли она поступила. Она преднамеренно не задела сердце, оставив бандита медленно истекать кровью.

Будь мы в прежнем мире, в Мире До, я бы вызвала «скорую», несмотря на то что этот человек первым напал на мою мать. Врачи спасли бы его, и в тюрьме у него было бы достаточно времени, чтобы выздороветь. Но, к несчастью для всех нас, здесь Мир После.

Я обхожу лежащего, оставляя его умирать.

Краем глаза замечаю женский силуэт, выскользнувший через боковую дверь. Остановившись, мама оглядывается на меня. Она лихорадочно машет рукой, давая знак идти с ней. Я делаю два шага в ее сторону, но меня отвлекает шум чудовищной драки в дальнем конце здания.

Ангела окружает толпа оборванцев весьма угрожающего вида.

Их не меньше десятка. Трое валяются в нелепых позах, то ли без сознания, то ли мертвые. Еще двоих безжалостно избивает ангел, размахивая тележкой, словно дубинкой. Но даже отсюда, в тусклом лунном свете, падающем сквозь стеклянную дверь, я вижу красные пятна на его бинтах. Тележка наверняка весит добрую сотню фунтов. Ангел измотан, и вокруг него постепенно сжимается смертоносное кольцо.

Мне приходилось спарринговать в додзё сразу с несколькими противниками, а прошлым летом я была помощницей инструктора на курсах самообороны под названием «Защита от нескольких нападающих». Но даже при всем при этом мне не случалось драться больше чем с тремя сразу, к тому же ни у кого из противников не было желания меня убить. Я не настолько глупа, чтобы полагать, будто сумею справиться с семью готовыми на все парнями с помощью искалеченного ангела. При одной мысли об этом сердце едва не выскакивает из груди.

Мама снова машет мне, показывая путь к свободе.

Что-то ударяется о дальнюю стену вестибюля, и все остальные звуки на мгновение заглушает болезненный стон. С каждым ударом, нанесенным ангелу, я чувствую, как Пейдж ускользает от меня все дальше.

Я мащу матери, показывая губами: «Уходи».

Она машет в ответ, на этот раз еще более энергично.

Я качаю головой и отмахиваюсь.

Она исчезает в темноте за закрывающейся дверью.

Я бросаюсь к шкафу для документов возле кухни, быстро оценивая все плюсы и минусы попытки воспользоваться мечом ангела, но в конце концов отказываюсь от этой мысли. Возможно, мне удалось бы поранить мечом одного, но, не имея соответствующей подготовки, я нисколько не сомневаюсь, что в следующее же мгновение оружие у меня отберут.

Вместо меча я хватаю крылья и ключ от цепи ангела. Сунув ключ в карман джинсов, я быстро разворачиваю крылья. Единственная моя надежда на то, что страх бандитов и их инстинкт самосохранения сыграют мне на руку. Прежде чем успеваю осознать, насколько это безрассудная и опасная идея, я мчусь в полутемный коридор, где хватает лунного света, чтобы очертить мой силуэт, но не настолько, чтобы меня можно было разглядеть во всех подробностях.

Бандиты загнали ангела в угол. Тот отчаянно сражается, но они уже поняли, что противник ранен – не говоря уже о том, что прикован к неуклюжей тяжелой тележке, – и не откажутся от своих намерений, почуяв запах крови.

Заведя руки назад, я удерживаю крылья за спиной. Они покачиваются из стороны в сторону, и мне трудно сохранять устойчивость – ощущение такое, будто держу флагшток нелепо вывернутыми руками. Наконец, убедившись, что крылья держатся надежно, я делаю шаг вперед.

Отчаянно надеясь, что в полутьме крылья выглядят как надо, я опрокидываю ногой столик с чудом уцелевшей на нем вазой. Внезапный грохот привлекает внимание бандитов.

На мгновение наступает тишина – взгляды всех прикованы к моему силуэту. Очень хочется верить, что я выгляжу как ангел смерти. При ярком свете они увидели бы лишь худую девочку-подростка, пытающуюся удержать за спиной огромные крылья. Но сейчас темно, и есть шанс, что от увиденного у них застыла кровь в жилах.

– Что тут у нас такое? – спрашиваю я, пытаясь придать голосу убийственно-изумленный тон. – Михаил, Гавриил, идите-ка посмотрите! – кричу назад, словно я тут не одна. Михаил и Гавриил – единственные имена ангелов, которые приходят мне в голову. – Похоже, мартышки решили, будто могут напасть на одного из наших.

Бандиты застывают как вкопанные. Все взгляды устремлены на меня.

За те несколько мгновений, что я стою затаив дыхание, передо мной, словно колесо

рулетки, проносятся всевозможные варианты дальнейшего.

А потом случается страшное.

Мое правое крыло, покачнувшись, начинает сползать. Пытаясь его поправить, я изворачиваюсь, чтобы ухватить получше, но в итоге привлекаю к себе лишь больше внимания. В течение долгой секунды, прежде чем все успевают осознать, что произошло, я вижу, как ангел закатывает глаза к небу, словно ставший свидетелем позорной неудачи подросток. Похоже, некоторые просто лишены чувства благодарности.

Ангел первым нарушает наступившую тишину. Подняв над головой тележку, он с размаху обрушивает ее на троих бандитов перед собой и раскидывает их, словно кегли.

Еще трое бросаются ко мне.

Выронив крылья, я шарахаюсь вправо. Искусство боя с несколькими противниками состоит в том, чтобы избегать драки со всеми одновременно. В отличие от кино, в реальности враги не ждут в очереди, чтобы надрать тебе задницу, – они нападают все сразу, подобно стае волков.

Я пританцовываю полукругом, пока тот, что ближе ко мне, не оказывается на пути двух других. Им требуется всего секунда, чтобы обежать своего приятеля, но этого мне вполне достаточно, чтобы врезать ногой ему в пах. Он складывается пополам, но, хотя так и подмывает стукнуть его коленом в лицо, для меня сейчас важнее его дружки.

Я обегаю пострадавшего кругом, вынуждая остальных следовать за мной, затем подсекаю ему ноги, и он с грохотом валится на второго. Оставшийся прыгает на меня, и мы, сцепившись, катимся по полу.

Я оказываюсь внизу. Он весит на добрую сотню фунтов больше, но у меня немалый опыт боя именно в такой позиции.

Мужчины обычно дерутся с женщинами иначе, чем с мужчинами. Большинство драк между мужчиной и женщиной начинаются с того, что мужчина нападает сзади, после чего почти сразу же оказывается на земле сверху женщины. Так что женщина-боец должна уметь драться, лежа на спине.

Пока мы боремся, я высвобождаю из-под него одну ногу, упираюсь и движением бедер переворачиваю его на бок.

Мой противник падает на спину, и, прежде чем он успевает что-то сообразить, я с размаху опускаю пятку на его промежность, затем вскакиваю и с такой силой пинаю в голову, что та откидывается назад.

– Неплохо.

Ангел наблюдает за мной в лунном свете, стоя позади окровавленной тележки. Вокруг него валяются стонущие незваные гости. Некоторые не шевелятся и молчат, так что я не могу понять, живы они или нет. Ангел одобрительно кивает, словно ему нравится увиденное. Я вдруг понимаю, что мне приятно его одобрение, и хочется отругать себя на чем свет стоит.

Один из лежащих с трудом поднимается и бежит к двери, при этом держится за голову, словно боясь, что та отвалится. Словно по сигналу, встают еще трое и тоже ковыляют к двери, не оглядываясь назад. Остальные продолжают лежать; кое-кто тяжело дышит.

Я слышу едва уловимое хихиканье и понимаю, что это смеется ангел.

– Ты забавно выглядела с крыльями, – говорит он.

Его губа кровоточит, как и ссадина над глазом. Но вид у него расслабленный, и лицо расплывается в улыбке.

Дрожащими руками я достаю из кармана ключ и бросаю ему. Он ловко подхватывает,

хоть руки и скованы.

– Пошли отсюда, – говорю я.

Голос звучит тверже, чем я ожидала, хотя от адреналина после драки меня буквально бросает в дрожь. Ангел освобождается от цепей, потягивается и разминает запястья, затем срывает с одного из стонущих на полу парней джинсовую куртку и бросает мне. Я с благодарностью надеваю, хотя она размеров на десять больше, чем нужно.

Ангел возвращается в кабинет, пока я быстро заворачиваю его крылья в одеяло. Я бегу к шкафу, чтобы забрать меч, и встречаю в вестибюле ангела с моим рюкзаком. Привязываю одеяло к рюкзаку, стараясь не слишком его затягивать под взглядом ангела, затем взваливаю на спину. Жаль, что у меня нет рюкзака для ангела, – впрочем, он все равно не смог бы его нести на своей израненной спине.

При виде меча его лицо озаряется радостной улыбкой, словно это давно потерянный друг, а не простой кусок металла. На мгновение у меня перехватывает дыхание – я никогда еще не видела такого взгляда.

– Мой меч все это время был у тебя?

– Теперь это мой меч, – резче, чем того требует ситуация, отвечаю я.

Его радость столь естественна и человечна, что я на миг забываю, кто он на самом деле. Я вонзаю ногти в ладонь, напоминая себе, что не стоит слишком проявлять свои чувства.

– Твой меч? Еще чего захотела! – Единственное, чего мне сейчас хочется, – чтобы его голос перестал звучать по-человечески. – Ты хоть представляешь, как он был предан мне все эти годы?

– Предан? Ты же не из тех, кто дает имена своим машинам и кофейным чашкам? Это всего лишь неодушевленный предмет. Так что оставь.

Ангел тянется к мечу. Я отступаю назад, не желая его отдавать.

– Что ты собираешься делать? Драться за него со мной? – спрашивает ангел.

Кажется, он сейчас рассмеется.

– А тебе он для чего?

Он устало вздыхает:

– Вместо костыля. А ты что подумала?

В воздухе повисает пауза. На самом деле сейчас, когда он свободен и стоит на ногах, ему вовсе не нужен меч, чтобы справиться со мной. Он может просто забрать оружие, и оба мы это знаем.

– Я спасла тебе жизнь.

Он приподнимает брови:

– Сомневаюсь.

– Дважды.

Он наконец опускает руку, тянувшуюся к мечу:

– Я так понял, меч ты мне не отдашь?

Схватив коляску Пейдж, я засовываю меч в карман на спинке кресла. Лучше сделать это сейчас, пока у ангела нет сил со мной спорить. Или он действительно выдохся, или просто позволяет мне нести меч, словно рыцарь – юному оруженосцу. Судя по тому, как он с улыбочкой поглядывает на меч, все-таки второе.

Я разворачиваю коляску и выкатываю ее наружу.

– Вряд ли мне теперь понадобится это кресло, – говорит ангел.

Его голос звучит утомленно; наверное, все-таки не отказался бы прокатиться.

– Это не для тебя. Это для моей сестры.

Мы выходим в темноту. Ангел молчит, и я знаю: он думает, что Пейдж больше никогда не увидит свою коляску.

Да пошел он к черту!

От Кремниевой долины до покрытых лесом холмов примерно полчаса езды и сорок пять минут до Сан-Франциско, если ехать по шоссе. Полагаю, дороги сейчас забиты брошенными машинами и отчаявшимися людьми, так что мы направляемся в ту сторону, где меньше людей и больше укромных мест.

Еще несколько недель назад вдоль подножия холмов жили богачи – в одноэтажных домах на три спальни, ценой пару миллионов долларов, или сказочных усадьбах ценой десятки миллионов. Мы держимся от них подальше – логика подсказывает, что они привлекают нежеланных посетителей, – и выбираем небольшой домик для гостей на задворках одной из усадеб.

Ангел молча следует за мной, и это меня вполне устраивает. Он не произнес почти ни слова с тех пор, как мы покинули офисное здание. Ночь была долгой, и, когда мы добираемся до коттеджа, он едва держится на ногах. Едва успеваем войти в дом, как начинается гроза.

Странно, в некоторых отношениях ангел невероятно силен. Его били и калечили, и он несколько дней истекал кровью, но при этом мог справиться с несколькими мужчинами зараз. Похоже, он никогда не мерзнет, хотя на нем ни рубашки, ни куртки. Но идти ему все-таки тяжело.

Когда мы наконец устраиваемся в доме, он сбрасывает сапоги. Ноги стерты до кровавых мозолей. Похоже, его розовые нежные ступни не привыкли к долгой ходьбе. Будь у меня крылья, я бы тоже предпочла летать.

Порывшись в рюкзаке, нахожу аптечку, а в ней несколько пачек пластыря от мозолей – вроде обычного, но побольше и покрепче. Я протягиваю упаковки ангелу. Он вскрывает одну с таким выражением на лице, будто ничего подобного прежде не видел.

Сперва он смотрит на сторону телесного цвета, которая для него слишком светлая, затем на обратную, с мягкой прокладкой, затем снова на лицевую. Поднеся пластырь к глазу, словно пиратскую повязку, он корчит рожу.

Мои губы раздвигаются в улыбке, хотя трудно поверить, что я до сих пор способна улыбаться. Я забираю пластырь:

– Ладно, покажу, как им пользоваться. Дай-ка твою ногу.

– В мире ангелов это весьма интимная просьба. Обычно для этого требуется ужин с вином и игривая беседа.

Остроумный ответ, ничего не скажешь.

– Дело твое, – отвечаю я.

Что ж, лауреатом премии года за остроумие мне не быть.

– Ты хочешь узнать, как пользоваться пластырем, или нет? – спрашиваю сердито.

На большее я сейчас не способна.

Он вытягивает ноги, все в ярко-красных пятнах. Мозоль на одной пятке лопнула.

Я смотрю на свои скромные запасы мозольного пластыря. Придется целиком потратить его на ноги ангела и надеяться, что мои собственные выдержат. Я осторожно накладываю пластырь на лопнувшую мозоль, стараясь заглушить внутренний голос: «Он пробудет с тобой пару дней, не больше. Зачем тратить на него ценные запасы?»

Ангел вытаскивает из плеча очередной осколок стекла. Он занимался этим всю дорогу, но постоянно находит новые. Если бы он не шагнул передо мной, проламывая стекло, я тоже

вся была бы утыкана осколками. Я почти не сомневаюсь, что он не специально защищал меня, но все равно благодарна.

Осторожно снимаю кровь и гной стерильной салфеткой, хотя знаю: если он и заработает инфекцию, то скорее от глубоких ран на спине, а не от мозолей на ногах. Мысль о его потерянных крыльях заставляет мои руки двигаться нежнее обычного.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

Мне ни к чему это знать. Собственно, я и не хочу. Если знаешь кого-то по имени, кажется, будто ты с ним по одну сторону, а такого просто не может быть. Как будто допускаешь, что можешь с ним подружиться. Но и это невозможно. Какой смысл заводить дружбу с собственным палачом?

– Раффи.

Я спросила лишь для того, чтобы отвлечь ангела. Пусть поменьше думает о том, что теперь ему придется пользоваться ногами вместо крыльев. Впрочем, имя кажется мне вполне подходящим.

– Раф-фи, – медленно повторяю я. – Мне нравится.

Его взгляд смягчается, хотя выражение лица остается каменным. К моим щекам отчего-то приливает кровь, и я смущенно откашливаюсь. Едва заметная улыбка ангела вызывает желание познакомиться с ним поближе – словно с загадочным симпатичным парнем, о котором девушка может только мечтать.

Вот только никакой он не парень. И слишком уж загадочный. Не говоря уже о том, что девушка в данный момент не мечтает ни о чем другом, кроме еды, крова и безопасности своей семьи.

Пальцем я крепко прижимаю пластырь, чтобы не отвалился. Ангел глубоко вздыхает, и я не могу понять – от боли или удовольствия. Предусмотрительно не поднимаю взгляда, сосредоточившись на своем занятии.

– Ну так, может, спросишь, как зовут меня?

Я готова самой себе дать пинка, – чего доброго, ангелу покажется, будто я пытаюсь с ним флиртовать. Конечно же, это совершенно исключено. По крайней мере, мне удастся не рассмеяться.

– Я и так знаю, как тебя зовут. – Он идеально передразнивает голос моей матери: – Пенрин Янг, открой немедленно!

– У тебя неплохо получается.

– Ты наверняка слышала старую поговорку – если знаешь чье-то истинное имя, имеешь над ним власть.

– Это правда?

– Возможно. Особенно между разными видами.

– Тогда почему ты назвал свое имя?

Он откидывается назад и пожимает плечами – а какая, мол, разница?

– И как же тебя зовут те, кто не знает твоего имени?

После короткой паузы он отвечает:

– Гнев Божий.

Я медленно убираю руку с его ступни, сдерживая дрожь. Только теперь понимаю: если бы кто-то нас увидел, он бы подумал, что я оказываю ангелу почести. Он сидит в кресле, а я на корточках у его ног, потупив взор. Быстро встаю, глубоко вздыхаю, расправляю плечи и гляжу ему прямо в глаза:

– Я не боюсь ни тебя, ни тебе подобных, ни твоего бога.

Мысленно съеживаюсь, уверенная, что сейчас последует удар молнии. Но ничего не происходит. Нет даже театрального раската грома. Впрочем, мой страх от этого не становится меньше. Я всего лишь муравей на поле битвы богов. Нет места для гордости или самомнения, и совсем немного возможностей для выживания. Но я ничего не могу с собой поделать. Кем они себя считают? Может, мы и муравьи, но это поле – наш дом, и мы имеем все права тут жить.

Выражение его лица слегка меняется, прежде чем снова стать божественно-невозмутимым. Все же мое безумное заявление как-то на него подействовало, пусть даже просто развлекло.

– Нисколько не сомневаюсь, Пенрин.

Он произносит мое имя, словно пробуя на вкус нечто новое, перекатывая его на языке и пытаюсь понять, нравится или нет. Мне становится не по себе, и я бросаю оставшиеся пластыри ему на колени:

– Теперь ты знаешь, как этим пользоваться. Добро пожаловать в мой мир.

Я поворачиваюсь к ангелу спиной, подчеркивая, что не боюсь его. По крайней мере, в этом я пытаюсь себя убедить. К тому же, отвернувшись от него, я могу позволить себе дрожь в руках, пока ищу еду в рюкзаке.

– Собственно, а что вам тут нужно? – спрашиваю я. – Я имею в виду – понятно, что вы явились не для дружеской беседы, но почему хотите от нас избавиться? Что мы такого сделали, чтобы заслужить истребление?

Он пожимает плечами:

– Понятия не имею.

Я смотрю на него, раскрыв рот.

– Послушай, тут не я командую, – говорит он. – Будь я хорошим торговцем, впарил бы тебе какую-нибудь историю поубедительнее. Но на самом деле мы просто бродим в потемках. И иногда натыкаемся на нечто кошмарное.

– Вот как? Вряд ли все настолько случайно.

Не знаю, что я хочу услышать, но только не это:

– Все всегда случайно.

Больше похоже на речь закаленного солдата, чем любого ангела. Одно лишь точно: многих ответов от него не добиться.

На ужин у нас сухая лапша и пара сладких батончиков. На десерт – шоколадки, позаимствованные в офисе. Жаль, что мы не можем разжечь камин, – дым из трубы с легкостью выдал бы нас. То же и со светом. У меня в рюкзаке есть пара фонариков, но, вспомнив, что именно фонарик моей мамы привлек бандитов, мы жуем сухую лапшу и приторные батончики в темноте.

Ангел поглощает свою порцию так быстро, что я не могу отвести от него взгляд. Не знаю, когда он ел в последний раз, но наверняка у него не было ни крошки во рту в течение двух суток нашего знакомства. Я также догадываюсь, что его способности к исцелению требуют немалого количества калорий. Еды у нас немного, но я предлагаю ему половину своей доли. Если бы последние два дня он не спал, пришлось бы скормить ему куда больше.

Моя протянутая рука повисает в воздухе, и в конце концов мне становится неловко.

– Не хочешь?

– Зависит от того, зачем ты мне это даешь.

Я пожимаю плечами:

– Иногда, блуждая в потемках, мы натываемся на нечто хорошее.

Он несколько мгновений смотрит на меня, прежде чем взять предложенную еду.

– Только не думай, будто получишь и мою долю шоколада.

Я знаю, что шоколад следует беречь, но не удерживаюсь и съедаю больше, чем собиралась. Сладость во рту доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Однако мы не можем съесть больше половины моих запасов. Я убираю остатки на дно рюкзака, чтобы не вводить себя в искушение.

Похоже, тоска по сладостям отражается у меня на лице, поскольку ангел спрашивает:

– Почему бы тебе просто его не съесть? Завтра найдем что-нибудь еще.

– Это для Пейдж.

Я решительно застегиваю молнию на рюкзаке, не обращая внимания на задумчивый взгляд ангела.

Интересно, где сейчас мама? Я всегда подозревала, что она умнее отца, хотя у него диплом инженера. Но ее звериный ум не поможет, если верх возьмут безумные инстинкты. Некоторые худшие времена в моей жизни связаны именно с ней. Но я лишь надеюсь, что она нашла укрытие от дождя и еду на ужин.

Порывшись в рюкзаке, я достаю последнюю пластиковую чашку сухой лапши. Подойдя к двери, оставляю ее снаружи.

– Что ты делаешь?

Хочется объяснить ему про мать, но я передумываю:

– Ничего.

– Зачем оставлять еду на улице под дождем?

Откуда он знает, что это еда? Когда успел разглядеть?

– Ты хорошо видишь в темноте?

Следует короткая пауза, словно он размышляет, стоит ли отвечать правду.

– Почти так же, как и днем.

Возможно, его слова только что спасли мне жизнь. Кто знает, как бы я поступила, найдя других ангелов? Попыталась бы спрятаться в темноте и пробраться в их гнездо? Вряд ли бы я обрадовалась, узнав про их отменное ночное зрение.

– Так почему же ты оставляешь на улице ценную еду?

– На случай, если там моя мать.

– Ей что, нельзя просто войти?

– Может быть, да, а может быть, и нет.

Он понимающе кивает, хотя, конечно, вряд ли что-то понял. Возможно, для него все люди ведут себя как сумасшедшие.

– Почему бы не принести еду обратно, а я скажу, если твоя мать будет поблизости.

– И как же ты узнаешь, что она поблизости?

– Услышу, – отвечает он. – Если дождь не помешает.

– Ты и слышишь не хуже, чем видишь?

– Что?

– Ха-ха, – холодно говорю я. – Если это так, у меня куда больше шансов спасти сестру.

– Ты даже не знаешь, где она и жива ли, – сухо отвечает он, словно говоря о погоде.

– Но я знаю, где ты, и знаю, что ты вернешься обратно к своим ангелам, хотя бы для того, чтобы отомстить.

– Ах вот как? Раз ты не сумела ничего из меня вытянуть, пока я был слаб и беспомощен, теперь хочешь последовать за мной в змеиное гнездо, чтобы спасти сестру? Это так же глупо, как и твоя идея напугать тех людишек, притворившись ангелом.

– Когда ситуация меняется, приходится импровизировать.

– Ситуация изменилась настолько, что ты не в силах на нее повлиять. Если пойдешь этим путем, просто погибнешь, так что послушай моего совета и беги в другую сторону.

– Ты не понимаешь. Речь не о логичных и оптимальных решениях. У меня просто нет выбора. Пейдж – всего лишь беспомощный ребенок. Она моя сестра. Вопрос лишь в том, как ее спасти, а не стоит ли пытаться.

Он откидывается назад, оценивающе разглядывая меня:

– Интересно, что раньше тебя погубит – преданность или упрямство?

– Ни то ни другое, если ты поможешь.

– А зачем мне это?

– Я спасла тебе жизнь. Дважды. Ты передо мной в долгу. В какой-нибудь иной культуре ты стал бы моим рабом на всю жизнь.

В темноте трудно разглядеть выражение его лица, но голос звучит язвительно:

– Да, ты вытащила меня, раненного, с улицы. В обычных условиях это можно было бы назвать спасением жизни, но, поскольку в твои намерения входило похитить меня для последующего допроса, вряд ли данное определение подойдет. А если ты имеешь в виду свою неумелую попытку спасти меня во время драки, позволю себе напомнить: если бы ты не приложила меня спиной о торчащие из стены гвозди, а потом не приковала к тележке, я никогда бы не оказался в подобной ситуации. – И добавляет с усмешкой: – Не могу поверить, что эти идиоты едва не приняли тебя за ангела.

– Да ни за кого они меня не приняли.

– Только потому, что ты сама напортичила. Я едва не расхохотался, когда тебя увидел.

– Это и впрямь смешно, вот только речь идет о нашей жизни.

Его голос становится серьезным:

– То есть ты понимаешь, что могла погибнуть?

– Ты тоже мог.

Снаружи шелестит листвой ветер. Я открываю дверь и забираю лапшу. Вполне могу поверить, что ангел услышит мою мать, если она появится неподалеку. Увидеть еду и вломиться в наш домик может кто-то чужой, так что лучше не рисковать.

Я достаю из рюкзака свитер и надеваю поверх того, что на мне. Быстро холодает. Наконец я задаю вопрос, ответа на который боюсь как огня:

– Зачем им нужны дети?

– Что, кого-то еще забрали?

– Я видела, как их похищают уличные банды, но решила, что Пейдж с ее ногами им не нужна. А вот теперь думаю: не продают ли они детей ангелам?

– Не знаю, что они делают с детьми. Твоя сестра – первая, о ком я слышу.

Его спокойный голос повергает меня в дрожь. По окнам стучат капли дождя, ветер царапает веткой по стеклу.

– Почему другие ангелы на тебя напали?

– Невежливо спрашивать жертву насилия, чем она спровоцировала нападение.

– Ты знаешь, о чем я.

Он пожимает плечами в тусклом свете:

– Ангелы – жестокие создания.

– Я уже заметила. Раньше думала, они милосердные и добрые.

– С чего бы? Даже в вашей Библии мы предвестники гибели, готовые и способные уничтожать целые города. То, что мы иногда предупреждали некоторых из вас заранее, вовсе не повод считать нас альтруистами.

У меня к нему еще немало вопросов, но есть один неотложный.

– Я тебе необходима.

Ангел издает короткий лающий смешок:

– Это как?

– Тебе нужно вернуться к своим, чтобы выяснить, можно ли пришить назад крылья. Я поняла это по твоему лицу еще тогда, в офисе. Ты считаешь, что это возможно. Но как добраться туда? Только пешком. Ведь ты никогда прежде не путешествовал по земле. Тебе нужен проводник, который сможет найти еду, воду, убежище.

– Ты называешь это едой?

В лунном свете я вижу, как он бросает пустую пластиковую чашку в мусорную корзину. Сама корзина не видна, но, судя по звуку, бросок точен.

– О чем и речь! Ты бы на нее просто внимания не обратил. Наша пища далеко не всегда выглядит съедобной. А еще нужен тот, кто отведет от тебя подозрения. Никто не распознает в тебе ангела, если ты будешь путешествовать в компании человека. Возьми меня с собой. Я помогу тебе попасть к своим, если ты сможешь мне найти сестру.

– То есть ты хочешь, чтобы я привел в обитель троянского коня?

– Вряд ли. Я собираюсь не мир спасать, а всего лишь сестру. Этого мне более чем достаточно. К тому же о чем ты беспокоишься? Неужели я могу представлять опасность для ангельского рода?

– Что, если ее там нет?

Я сглатываю комок в горле:

– Тогда я больше не стану тебе мешать.

В темноте он сворачивается в клубок на кушетке:

– Давай немного поспим.

– Это ведь не значит «нет»?

– Но и не «да». Все, я спать хочу.

– Кстати, ночью проще сторожить, если нас двое.

– Зато проще спать, когда ты один.

Схватив с дивана подушку, он подкладывает ее под голову и устраивается поудобнее. Его дыхание становится глубоким и размеренным, словно он уже заснул.

Вздыхнув, я иду в спальню. По мере того как я подхожу к двери, становится все холоднее, и я задумываюсь, стоит ли спать именно там.

Едва открыв дверь, я понимаю, почему в коттедже так холодно. Окно разбито, и дождь хлещет прямо на кровать. Но я так устала, что готова спать даже на полу. Я беру из шкафа сложенное одеяло – холодное, но сухое, – закрываю дверь спальни, чтобы меньше дуло, и возвращаюсь в гостиную. Завернувшись в одеяло, я ложусь на диван напротив ангела.

Похоже, он крепко спит. Рубашки на нем нет с момента нашей первой встречи. Вряд ли бинты его согревают. Интересно, чувствует ли он холод? Когда летишь высоко в небе, там наверняка жуткий мороз. Возможно, ангелы приспособлены к холоду так же, как и к полету.

Но все это лишь предположения – может быть, просто в оправдание тому, что я забрала

единственное имевшееся в коттедже одеяло. Электричества нет, а это означает, что обогреватели не работают. На побережье залива температура редко опускается ниже нуля, но по ночам иногда довольно холодно. Похоже, сейчас как раз такое время.

Я засыпаю, прислушиваясь к ровному дыханию ангела и стуку капель по оконным стеклам.

Снится, будто я плыву в Антарктике, окруженная айсбергами – величественными и смертельно опасными ледяными башнями.

Я слышу Пейдж, которая зовет меня. Она барахтается в воде, кашляя и едва держась на плаву. Поскольку она может грести лишь руками, я понимаю, что долго ей не продержаться. Отчаянно пытаюсь до нее добраться, но ледяная вода замедляет мои движения, и почти вся энергия уходит на неодолимую дрожь. А Пейдж все зовет. Она слишком далеко, и мне не увидеть ее лица, но я слышу слезы в голосе.

– Я иду к тебе! – пытаюсь крикнуть. – Все хорошо, я скоро буду с тобой!

Но из горла вырывается лишь хриплый шепот, едва достигающий моих собственных ушей. Отчаяние сдавливает мне грудь. Я не могу даже подбодрить сестру.

Потом я слышу мотор лодки, которая среди плавающих кусков льда направляется в мою сторону. За рулем лодки – мама. Свободной рукой она бросает за борт драгоценное имущество, которое с плеском падает в ледяную воду. Банки с супом и фасолью, спасательные жилеты и одеяла, даже туфли и упаковки мозольного пластыря – все летит за борт, исчезая среди сталкивающихся друг с другом льдин.

– Тебе в самом деле следовало бы есть яйца, милая, – говорит мама.

Лодка мчится прямо ко мне, не сбавляя скорости – даже ускоряясь. Если не уберусь с ее пути, она меня просто перережет пополам.

Вдали слышится крик Пейдж.

– Я иду! – кричу в ответ, но мой голос снова превращается в хриплый шепот.

Пытаюсь плыть к сестре, но мышцы так онемели, что я лишь беспомощно бью по воде руками, не в силах уйти с пути маминой лодки.

– Тсс, тихо, – успокаивающе шепчет мне в ухо кто-то.

Чувствую, как из-под моей спины вытаскивают диванные подушки, а затем меня окутывает тепло. Там, где до этого были подушки, теперь крепкие мужские руки.словно в тумане, я ощущаю прикосновения мягкой, как перо, кожи, обтягивающей стальные мускулы, которые прогоняют прочь лед из моих жил и ночной кошмар.

– Тсс... – снова слышу я шепот.

Я расслабляюсь, окутанная теплым коконом, и стук дождя по крыше вновь убаюкивает меня.

Тепло исчезло, но я больше не дрожу. Я лежу одна, свернувшись клубком, и пытаюсь насладиться теплом, оставшимся на диване от тела, которого там больше нет.

Я открываю глаза, которые ослепляет яркий свет утра. Раффи лежит на своей кушетке, глядя на меня темно-синими глазами. Я судорожно сглатываю, внезапно ощутив неловкость из-за того, что не умыта и не причесана. Просто здорово! Миру настал конец, моя мать где-то на улице среди бандитов и вряд ли в своем уме, сестру похитили мстительные ангелы, а меня заботят жирные волосы и плохой запах изо рта.

Вскочив, я с силой отбрасываю одеяло, хватаю свои туалетные принадлежности и

направляюсь в одну из двух ванных комнат.

– И тебе доброе утро, – лениво произносит ангел. Я уже берусь за ручку двери, когда он говорит: – На случай, если тебе интересно, – ответ «да».

Я останавливаюсь, боясь оглянуться:

– Да?

«Да» – это он держал меня ночью в объятиях? «Да» – он знает, что мне это понравилось?

– Да, ты можешь пойти со мной, – говорит он таким тоном, словно уже сожалеет об этом. – Я отведу тебя в обитель.

Вода в кране есть, но только холодная. Я думаю, не принять ли все-таки душ, поскольку неизвестно, сколько еще пройдет времени, прежде чем снова представится такая возможность. Мысль о потоках студеной воды меня останавливает.

Я решаю как следует обтереться мочалкой. По крайней мере, не замерзну вся сразу.

Как я и предполагала, вода ледяная, что вызывает воспоминания о моем сновидении, которые, в свою очередь, влекут за собой воспоминания о том, как меня согрели ночью. Вероятно, это просто какая-то особенность поведения ангелов, реакция на мою дрожь – примерно как пингвины прижимаются друг к другу, когда им холодно. Вряд ли что-то еще.

Но не хочется об этом думать – я даже не знаю, что об этом думать, – и я загоняю все подобные мысли в темный, до отказа набитый закуток своего сознания, которое угрожает в любой момент взорваться.

Когда я выхожу из ванной, Раффи выглядит так, словно только что принял душ. На нем его черные штаны и сапоги. Бинты исчезли. Он стоит на коленях перед развернутым на деревянном полу одеялом, и мокрые волосы падают на глаза. На одеяле разложены крылья.

Он расчесывает перья, расправляя на них пух и выдергивая сломанные. Сейчас ангел напоминает птицу, чистящую оперение. Его прикосновения мягки и почтительны, хотя выражение лица каменное. Изрезанные мной концы крыльев выглядят жалко.

У меня возникает абсурдное желание извиниться. За что, собственно? За то, что его соплеменники напали на наш мир и уничтожили его? За то, что они настолько жестоки – могут отрезать крылья одному из своих и бросить его на растерзание местным дикарям? Если мы дикари, то лишь потому, что они сделали нас такими. Так что извиняться мне не за что, и уж явно не за то, что помяла крыло своего врага, заворачивая его в побитое молью одеяло.

Но отчего-то я все равно иду опустив голову, словно чувствую себя виноватой, хотя и не говорю об этом вслух.

Я обхожу вокруг ангела, чтобы мой покаянный вид не бросался ему в глаза, и передо мной возникает его обнаженная спина. Кровотечение прекратилось. Во всем остальном он выглядит полностью здоровым – ни единой ссадины или синяка, за исключением тех мест, где раньше были крылья.

Раны похожи на пару полос сырого мяса, тянущихся вдоль спины там, где нож рассек сухожилия и мышцы. Мне не хочется об этом думать, но, сдается, другой ангел разрубил суставы, отделяя кости от тела. Вероятно, мне следовало зашить раны, но тогда я считала, что калека все равно умрет.

– Может, попробую зашить? – спрашиваю, надеясь на отрицательный ответ.

Я, конечно, девушка крепкая, но сшивать куски плоти – это для меня уже слишком, если не сказать больше.

– Нет, – отвечает он, не поднимая взгляда. – Само заживет.

– Почему до сих пор не зажило? В смысле – все остальные раны ведь исцелились очень быстро?

– Раны от ангельского меча заживают очень долго. Если когда-нибудь соберешься убить ангела, проткни его этим мечом.

– Врешь! Зачем тебе об этом говорить кому ни попадя?

– Просто я тебя не боюсь.

– Может, и стоило бы.

– Мой меч никогда не причинит мне вреда. И мой меч – единственный, которым ты можешь владеть.

Он осторожно выдергивает очередное сломанное перо и кладет на одеяло.

– Как это?

– Чтобы воспользоваться ангельским мечом, нужно разрешение. Без разрешения он будет весить тонну, если попытаешься его поднять.

– Но ты не давал мне никакого разрешения.

– Его дает не ангел, а сам меч. И некоторым мечам не нравится, когда их об этом просят.

– Угу, понятно.

Он проводит ладонью по перьям, нащупывая сломанные. Почему мне не кажется, что он шутит?

– Я не спрашивала никакого разрешения, но без проблем подняла меч.

– Так ведь ты хотела бросить его мне, чтобы я смог защититься. Видимо, он воспринял это как просьбу о разрешении и согласии.

– Он что, прочел мои мысли?

– По крайней мере, твои намерения. Иногда он так поступает.

– Ладно... ясно.

Я предпочитаю промолчать. В свое время наслушалась странного и научилась не спорить с теми, кто это странное говорил, поскольку возражать не имело никакого смысла, а порой бывало просто опасно. По крайней мере, если дело касалось моей мамы. Должна, впрочем, сказать, что Раффи даже более изобретателен, чем она.

– Может, забинтовать тебе спину?

– Зачем?

– Чтобы не попала инфекция, – отвечаю я, роюсь в рюкзаке в поисках аптечки.

– Инфекция для меня не проблема.

– Что, не можешь заразиться?

– Да, по идее я невосприимчив к вашим микробам.

Слова «по идее» и «вашим» привлекают мое внимание. Мы почти ничего не знаем об ангелах, и любая информация может дать нам преимущество. В смысле – когда мы снова организуемся.

И сейчас у меня есть беспрецедентная возможность кое-что о них выведать. Что бы там ни говорили о бандитах, я уверена, что они забирают части тела только у мертвых или умирающих ангелов. Не знаю, что я стала бы делать с информацией об ангелах, но обрести новые познания никогда не вредно.

[Купить полную версию книги](#)